

Ю. М. Ботяков

**ТРАДИЦИОННОЕ ПАРЛАМЕНТЕРСТВО
В ГОДЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЫ
1992—1993 гг.**

В предлагаемой статье рассматриваются аспекты и особенности переговорного процесса, включенные в контекст функционирования традиционных социальных институтов сельского сообщества. Следует отметить, что имеющийся в нашем распоряжении материал по вопросам ведения переговоров позволяет осветить события в основном с позиции наших абхазских информантов, имевших непосредственный опыт участия в установлении контактов с противником. Точка зрения грузинской стороны на интересующую нас тему будет представлена лишь отчасти и опосредованно в качестве комментария к короткому сюжету из художественно-документальной киноленты «Кладбище грез» режиссера Г. Хайндрава.

Материал по парламентарству рассматривается нами исходя из того, что это явление в равной степени имеет отношение как к военной сфере, так и к сфере народной дипломатии. В силу сказанного мы считаем необходимым рассмотрение вопросов, непосредственно связанных с парламентарством, предварить рассмотрением некоторых сюжетов о военном деле абхазов, относящихся как к отдаленному, так и к недавнему историческому прошлому этого народа.

На протяжении всей грузино-абхазской войны боевые действия в Абхазии велись на двух фронтах: Западном (Гумистинском) и Восточном (далее ВФ). При этом зона боевых действий последнего простиралась на весь Очамчирский район, на который приходилось 90 % боевых действий, и частично Гулрыпшский и Галльский районы [Джапуа 2008: 5]. Иначе говоря, границы ВФ в целом совпадали с границами территории Абжуа — одной из основных историко-этнографических областей Абхазии. И, несмотря на то что на протяжении всего периода войны на ВФ воевали также представители Западной Абхазии, добровольческого движения северокавказских республик и юга России, это не мешает говорить о том, что реалии военных действий здесь складывались с учетом местных особенностей и традиций в широком

смысле этого слова. Можно также говорить о том, что разделение Абхазии на две основные историко-этнографические области в годы войны в силу сложившихся обстоятельств нашло свое новое проявление. Речь, конечно, не идет о некоем «абжуйском» варианте ведения военных действий, тем не менее различие военных судеб абхазского населения двух историко-этнографических областей Абхазии очевидно. Если Гумистинский фронт был фронтом регулярным, то ВФ был партизанским краем со всеми вытекающими из этого последствиями: способом ведения войны, особенностями контакта с противником, положением мирного населения.

В этой связи уместно привести слова начальника штаба ВФ Б. Р. Джапуа, который, полемизируя со своими предполагаемыми оппонентами, отмечает, что отсутствие хронологии и анализа событий «создает впечатление, будто бы война на ВФ протекала хаотично, в очень упрощенной оперативной обстановке: вне всякой логики, в „тихом углу“, в котором сидели бородатые партизаны, изредка перестреливавшиеся с соседним селом» [Джапуа 2008: 4]. В этих словах отчетливо слышны отзвуки спора о вкладе в победу соратников, воевавших на разных фронтах войны.

При постановке вопроса о поиске «следа» традиционной системы военной организации абхазов в современной войне следует иметь в виду следующее обстоятельство. Традиционная военная культура народов Западного Кавказа уже в XIX в. в ходе Кавказской войны подверглась значительной деформации, поэтому речь здесь может идти лишь о поздних ее дериватах. Но даже с учетом этого замечания постановка вопроса о возможности «перебросить мост во времени», связав современные воинские формирования с традиционным ополчением, может показаться некорректной, если иметь в виду, что в XX в. абхазское общество отличалось принципиально иным образом жизни, вследствие чего традиции военной практики пресеклись.

Тем не менее мы можем, во-первых, говорить о серьезном идеологическом обеспечении ушедшего образа жизни — устная традиция сохраняет имена и жизнеописания всех тех, кто в прошлом достойно проявил себя на поприще наездничества и защиты родного селения и кто, без сомнения, продолжает оставаться своего рода «золотым фондом послужного списка» отдельных абхазских патронимий, фамилий и селений. Так, в частности, в селении Члоу из поколения в поколение передается воспоминание о Чолокуа Мустафе, победившем врагов в неравном бою при защите своего селения. В этой связи примечательно, что, по словам нашего информанта, во время грузино-абхазской войны старики селения, ободряя молодежь, говорили: «Вы держите позицию там, где воевал Мустафа. Старики говорили: «Не волнуйтесь, вы воюете там, где воевал Чолокуа» [ПМА. № 1825, л. 42].

А с именем Исмаила Джопуа, прославившегося во время Кавказской войны, связано создание пять лет тому назад фамильного знамени Джопуа, представляющего собой красное квадратное полотнище, в центре которого расположена фамильная тамга. «У него была красная акаба [рубашка]... она даже винного цвета, чтобы кровь была не видна. Он ее как знамя надевал на копье»... [ПМА. № 1894, л. 72].

Во-вторых, сопоставление принципов традиционной военной организации и связанной с ней системы парламентарства с их современными формами представляется возможным потому, что в ситуации военного времени в них проявляются черты традиционной системы самоорганизации общества, норм обычного права, *ансуара* (морально-этический кодекс) и ораторского искусства (здесь в значении народная дипломатия), которые до настоящего времени регулируют общественную жизнь абхазского сельского сообщества.

С. Т. Званба, описывая традиционное военное искусство абхазов, приводит следующую сравнительную характеристику:

Абхазцы же между горскими племенами считаются отличными стрелками, дерутся очень хорошо врассыпную, пользуясь с особой смелостью местоположением, и в местах лесистых, пересеченных оврагами, всегда одерживают верх над убыхами [Званба 1852: 51].

В связи с определением абхазов как метких стрелков отметим, что и в советское время стрельба в цель по мишеням оставалась любимым народным развлечением. Это состязание сопровождало не только общественные мероприятия, будь то сходы или поминки, но и просто дружеские застолья. Сохранение этого национального спортивного развлечения в условиях мирной жизни отчасти объясняется с позиции сугубо прагматической, поскольку оно тесно связано с другим любимым занятием абхазов — охотой. Однако не менее важным в деле сохранения давней воинской традиции является то, что навык меткой стрельбы в Абхазии расценивался как особый дар, обладать которым чрезвычайно престижно: меткая стрельба в общественном сознании рассматривалась как один из трех элементов характеристики образа мужчины: «Метко стреляет, наездник, хлебосол» — категория. Как у черкесов: «Острый меч, верный конь и сорок столов» [ПМА. № 1847, л. 11—12].

Значимость этого дара поддерживалась и «идеологически» бережным сохранением семейных преданий, в которых рассказывается о его приобретении. «Мой товарищ, кадровый офицер, спецназ ВДВ... у них в роду вообще все стрелки... А как это произошло?..» Далее следует описание того, что этот ценный дар был получен прадедом этого офицера в качестве награды от *дзизлан* (абхазской русалки) в благодарность за спасение ее от волков. Покидая место схватки с хищниками,

всадник услышал за своей спиной последнее благодарственное напутствие: «Чтоб в твоём роду никогда пуля ваших охотников и воинов не пропадала даром» [ПМА. № 1846, л. 12].

Характеристика «меткий стрелок» подразумевает такие черты характера, как выдержка, интуиция и некоторые другие. Как известно, и руководитель Абхазии в начальный период советской власти Н. Лакоба был чрезвычайно метким стрелком, что, безусловно, было немаловажной составляющей его позитивного образа.

В Лыхнах, где трибуна... бамбук поставили... когда огромный последний сход был в 36-м году. Серебряный рубль на бамбук поставили... Стол: оружие разного вида. Молодежь подходит — кто поразит монету. Стреляют час, два, никто попасть не может. Он так улыбнулся, подходит: «Сколько вы пуль в воду бросили». Поднял пистолет... и точно (в) монету. Все ахнули, ее же не видно вообще глазом. Очевидцы многие рассказывают [ПМА. № 1847, л. 12].

Что касается умения абхазов прекрасно действовать в условиях пересеченной местности, то эта черта их тактики обусловлена особенностями окружающей среды и связанным с нею образом жизни. Война на ВФ протекала непосредственно на территории проживания ее участников, и прекрасно ориентировавшиеся в условиях лесистых предгорий жители Очамчирского района вряд ли в этом отношении значительно отличались от своих предков. Может быть, не все современное сельское население Абхазии в равной степени могло соответствовать представленной выше характеристике, тем не менее существовала значительная категория лиц, образ жизни которых был неразрывно связан с природной средой. Опыт и навыки абхазских пастухов и охотников был активно использован, в частности, при формировании специализированных подразделений.

У нас было два личных резерва командующего — диверсионная группа «Медведь», которая находилась у меня, и созданная специально под эту операцию горнострелковая рота. Количество бойцов было огромным — почти 200 человек, но вооружена была только рота. Это были ребята из Члоу, а название группы в переводе на русский означало «Группа четырнадцати». *Бойцы в этих группах хорошо знали горы, были пастухами, охотниками* (выделено нами. — Ю. Б.). Их мы и начали готовить к операции [Амшенци. www.abkhaziya.org].

Но для нас, пожалуй, более важным является то, что участие пастухов и охотников в военных действиях на ВФ не выходило за рамки роли, обусловленной их традиционными занятиями. Речь идет о том, что «нахождение длительное время на необжитой территории создавало условия, при которых охотник оказывался в той же роли, что и пастух, то есть выступал в качестве стража границы и следопыта, пре-

красно ориентировавшегося в ближайших и отдаленных окрестностях селения, первым узнававшего о приближении опасности» [Ботяков 2009: 218] В этой связи приведем в очередной раз замечание Б. Р. Джапуа, который, говоря об обороне Кодорского хребта, системы гор и водоразделов горы Ходжал, пишет о том, что в весенне-осенний период она «была обеспечена цепью постов, личный состав которых, в основном пастухи и охотники, вел непрерывное патрулирование. Главной задачей постов являлось своевременное обнаружение противника и оповещение» [Джапуа 2008: 36—37].

Насколько органично пастухи выступали в роли пограничной стражи, можно судить на примере уничтожения грузинского десанта в апреле 1993 г. в районе горы Лашкендар. По версии нашего информанта, события развивались следующим образом. Главный герой этих событий был, правда, не пастух, но человек, по роду своей деятельности обладавший аналогичными навыками обращения с домашним скотом, а главное, в силу тех же обстоятельств, умением прекрасно ориентироваться на местности.

Там же священная гора есть Лашкендар. Прямо висит над Ткварчелом... Вот они (грузины. — Ю. Б.) утром на рассвете... сильная группа очень... должны атаковать внезапно... А скотокрад пошел воровать скотину... но он же тихо крадется, как обычно (смеется). Ни единым шорохом чтобы себя не выдать. И раз услышал грузинскую речь и... Тихо-тихо, как мышь, все обошел и примчался в штаб: «Грузины на Лашкендаре!» — «Как?» И моментально тревога. Уже группы были специальные (...) дороги знают. Так обошли их и неожиданно на час раньше их опередили... Ну, фактически гуси спасли Рим. Если бы он за коровой не полез бы или за бычком... [ПМА. № 1846, л. 10—11].

Согласно Б. Джапуа, события по обезвреживанию грузинского десанта на горе Лашкендар развивались по совершенно иному сценарию, где главным действующим лицом был не скотокрад, а служба радиоперехвата абхазской фронтовой разведки. Тем не менее для нас значимость первой версии, даже если она грешит против истины, сохраняется, так как ее безымянный автор воссоздал картину событий, используя устойчивые клише.

На ВФ, так же как и на Гумистинском, воевали подразделения, структура которых соответствовала штатному расписанию современной регулярной армии. Личный состав управлялся командующими, штабами и командирами, которые имели звания и должности, аналогичные таковым в Российской армии. При этом большой ошибкой было бы рассматривать систему управления, принятую в абхазских военных формированиях, вопросы субординации, весь уклад внутренней жизни в качестве слепка с Российской регулярной армии. Сам принцип принадлежности к конкретному сельскому сообществу, положен-

ный в основу формирования большинства воинских подразделений, был продиктован реалиями местной жизни.

Ш. Инал-Ипа отмечал, что уже в XIX в. в Абхазии почти не осталось селений, где бы проживали представители одной фамилии [Инал-Ипа 1960: 272]. Но не менее справедливо и то, что до настоящего времени костяк населения многих абхазских селений составляют представители определенных фамилий, а это означает, что принцип родовой (фамильной) солидарности в селах по-прежнему актуален и органично сосуществует с соседской солидарностью. В годы войны личный состав многих подразделений Восточного фронта фактически представлял собой мужское население отдельных сел и был спаян узлами родства и соседства [Амшенци. www.abkhaziya.org].

События войны рассматриваются их непосредственными участниками в первую очередь с позиции именно сельского патриотизма.

Сказать, что наша деревня (Тамыш. — *Ю. Б.*) храбрее всех воевала?.. Дело в том, что храбрее всех... я не знаю. Я видел не хуже нас сражающихся... Некоторые почему-то гордятся нами... [ПМА. № 1847, л. 31].

Говоря о формированиях на ВФ, следует отметить, что фактически мы имеем дело с традиционной структурой, которую в современных терминах точнее всего можно охарактеризовать как отряд самообороны села. Именно о таком отряде говорит Б. А. Микава — участник партизанского движения в селении Кутол:

Накануне установления советской власти в Абхазии, в феврале месяце 1921 года, пользуясь похоронами односельчанина, Топурия Тедоре сагитировал нас, односельчан, поддержать наступающую Красную Армию, разгромить меньшевистские войска. Был создан партизанский отряд, который был вооружен и охранял *село* (курсив наш. — *Ю. Б.*) от грабежа отступающими войсками меньшевиков [Микава 2007: 240].

Именно из таких отрядов, как подчеркнул Б. Джапуа, и состоял ВФ. Основные усилия этих отрядов были направлены в первую очередь на оборону своей территории, и только необходимость проведения общих операций перераспределяла центр тяжести этих сил. Как нам кажется, в следующих двух фрагментах беседы с нашими информантами по поводу событий, касавшихся общешфронтовых операций, доминируют интересы родного села:

Вот, например, в селе Беслахуба... они не шланговали (то есть не уклонялись от своих обязанностей под благовидным предлогом. — *Ю. Б.*). Свою позицию они держали прекрасно. А во время общих боев, где трасса (...) где надо было бить противника в Тамышах или еще где-нибудь (...) не сказать, что они там шланговали или не воевали. Такого не было [ПМА. № 1848, л. 6].

Рота у нас была (сначала партизанская), а потом стали создаваться полки, батальоны... меня назначили командиром батальона... До 28 декабря мы находились у села, а потом началось наступление, пришлось уйти к Тамышу и там закрепиться. Мы его бросили, свое село... [ПМА. № 1894, л. 8—10].

Следует отметить, что в период войны подобные отряды самообороны, вероятно, были характерны и для мегрельских сел. Так, охрану селения Отобая Гальского района осуществляли стоявшие на дорогах группы вооруженных молодых людей [Кубрава 2010: 182].

Отметим еще одну характерную особенность тактики в Очамчирском районе, которую можно отнести к кругу тех традиций, возрождение которых обуславливается реалиями войны.

Я читал, что во время войны в Нагорном Карабахе армянское руководство специально не эвакуировало мирное население из сел, чтобы мужчины защищали села с большим упорством. То есть создавался некий вооруженный «заградительный отряд», действовавший как бы на «моральном уровне».

— У нас было так же. Физически людям, безусловно, не запрещали уезжать. Но была очевидна простая логика — если муж воюет, то куда уйдет жена с детьми? Конечно, многие выехали... Кстати, там, где люди покидали село, и оборона была очень сложной. Это психологически действовало на бойцов.

— То есть это можно назвать одним из признаков народной войны?

— Совершенно верно! Например, в Меркуле практически все жители на месте оставались, в Беслаху также, в Мокве почти все оставались, в Кутоле было полное село [Амшенци. www.abkhaziya.org].

Эта характерная особенность, связанная с обороноспособностью местного населения, была подмечена еще в период Кавказской войны А. П. Ермоловым. В одном из своих писем М. С. Воронцову он пишет следующее:

Теперь, без сомнения, не только прекратятся работы на этих полях [район Аварского Койсу], но самые селения уничтожатся, кроме тех, которые укреплены и могут противиться немногочисленному отряду войск. Их надобно пострадать впоследствии, чего они не выдержат, не удаливши жен и детей. В этом случае достаточно будет действия нескольких орудий [Кавказские письма 2011: 191—192].

В традиционной военной практике некоторых народов присутствие мирного населения при обороне своих позиций не только не рассматривалось как отягчающий фактор, но, напротив, расценивалось в качестве своеобразного тактического приема. Так, например, туркмены считали, что нахождение в составе военного отряда мирных жителей есть необходимое условие успешной обороны своих позиций. В

народной памяти сохранился случай, когда именно с этой целью в состав военного отряда была специально включена целая группа семей. Таким образом, отряд пополнился значительным числом стариков, женщин и детей (подробнее см.: [Ботяков 2002: 84—85]).

Вопрос структуры подразделений ВФ неразрывно связан с вопросами избрания командира, его полномочий, а также с принятой системой управления. Ш. Инал-Ипа, говоря о пережитках «военной демократии», отмечал, что «каждая община или племя имели своих вожаков (апыза), предводительствовавших как при защите от нападения, так и во время набегов...» [Инал-Ипа 1960: 274]. Уже а priori можно предполагать, что выдвижение командиров на ВФ проходило по той же схеме — на эту роль в первую очередь выдвигались наиболее достойные претенденты из своей же поселковой или сельской среды. Статус командира, «потолок» его оперативных возможностей органично определялся реалиями военных будней. Будущий командир батальона З. Чкония о первых часах на войне рассказал так:

Договорились, давайте кучковаться, будем связь держать, кто, где, как. Там место встречи ночью назначили и разошлись. Ну, я пошел в свою сторону... свой куток создал, каждый свой куток [ПМА. № 1893, л. 97].

Как прокомментировал становление командира Киндского батальона наш информант А. А. Аршба:

У него создавался батальон, потому что он — личность. Когда личность, вокруг него вырастает все [ПМА. № 1894, л. 30].

Процесс рождения военного лидера не всегда был связан исключительно с талантом военачальника.

Зарандия Лакут был бизнесменом... У него бизнес в СПб., там братья. Они набрали денег, купили амуницию, оружие и вылетели на ВФ. И он вооружил своих односельчан, сколотил небольшую группу, к которой начали прирастать окружающие. Потому что там было оружие, дисциплина. Ну, он организатор... тактику не знал, оперативное искусство — это для него вообще неведомо. Но у него... выросли, в боях выросли молодые ребята, которые научились всему этому делу очень быстро. Вот он ими руководил. Обеспечивал, поддерживал дух, сам был впереди всегда. Но назвать его талантливым полководцем — нет, он хороший организатор. И потом, он как со своими детьми там со всеми, он взрослый. Он с ними находился. И все сложилось [ПМА. № 1895, л. 38—39].

В условиях сосуществования современной структуры вооруженных сил Абхазии и организационных принципов общинной самообо-

роны вопросы, связанные с их взаимной адаптацией, разграничением «сфер влияния», представляются особенно значимыми.

Вот у нас была бригада. У нее были настоящие лидеры, они же были закреплены приказом... Лидер возникает в результате действия какого-то. Он погибает. Пока война шла, под ним еще лидеры, его назначают, он погибает. И там все кончилось. Они же тоже кончаются. Но есть какой-то, который там сидел на рации. Ну все знал, потому что он на рации... «Слушай, давай дальше, ты на связи, ты выполняешь, ты будешь у нас командиром, а мы тут командиры батальонов, ты не бойсь. Ты говори, что они передавать будут, ориентируй нас, мы все сделаем». Вот эти командиры батальонов, их ресурса не хватает на всю бригаду, их личного ресурса, на батальон хватает... Потом 4—5 батальонов командиры батов очень хорошо вместе, как один мозг получается. Они выделили, впереди себя поставили вот этого «командира» бригады, который был всего лишь связистом... Война дает своих лидеров, они при этом не хотят быть первыми и не хотят иметь отношений с бумагами и печатью. Они хотят быть чистыми абреками, так скажем. Воинами. С дисциплиной у них, конечно, через вопли, через крик, но они выполняют задачу. Удивительно хорошо выполняют задачу. Основная сила абхазской армии — это резерв. (Если бы регулярная армия Абхазии столкнулась с противником, она перешла бы...) Сразу бы переделалась. Автоматически. (Генералы и все прочие?) генералы могут остаться... Скажем, у вас есть список. Вы как министр обороны имеете десяток списков своих подразделений. И вот там 300 человек, 600 человек, командиры. Как только начнется война, начнется перетекание... знакомые, друзья, где наиболее надежно, где наиболее активные бойцы, туда... Это передвижение начнется... моментально начнется. Вот, например, я приписан к Министерству обороны, если бои начнутся, я сразу ухожу на ВФ, никого не спрашивая. Меня никто и упрекать за это не будет. Потому что я туда приду, найду себе нишу, найду себе работу, потом задним числом меня приказом туда назначат... [ПМА. № 1895, л. 33—38].

Порядок разграничения полномочий и соподчинения высшего командного звена с низовой структурной ячейкой особенно рельефно проступает в описании системы воинского учета и организации сил резерва, сложившихся в Сухуме в послевоенное время и сохранивших недавнюю традицию войны 1992—1993 гг.

«Они от Минобороны, военкомата выбирают командира бата, его назначают. Он уже все дома знает, все кутки эти... кто где там лидирует, где командиры рот, отделений, взводов. И по первому сигналу войско собирается очень быстро. Они (командиры) были на войне... там после войны заново заселились... познакомились... выбирают нового командира. (Звание тут не имеет значения?) Нет, не имеет значения. (Просто лидерство?) Лидерство, а потом за ним закрепляют звание... (Можно сказать, что если в данном районе появляется человек с более сильными качествами, чем официально назначенный, то он берет на се-

бя руководство?) У нас часто так бывает. (У него в военном билете записано майор?) И он может не стать командиром. Вместо него может стать рядовой. ...Вот еще 2—3 года назад... в одном из районов... командир, которого назначили. И он просто [был] как связующее звено между Минобороны и этой группой вооруженных людей. У них свой лидер. Этот человек... [отдавал] приказы... Ему могут сказать: «Гуляй ты со своими приказами, мы будем действовать так!» Там, конечно, нет выхода из общей системы в какую-то степь. Нет, они все в одном направлении работать будут, но они будут слушаться все вот этого человека, а того нет. (Как же будет ощущать себя «майор», у которого нет «кислорода»?) Ну, там нет такого, чтоб его давили. Там есть такое: «Вот братец, мы напрямую с этими людьми из Министерства обороны разговаривать не будем, вот ты у нас связующее звено. Здесь, за руководство этой группой лиц, не беспокойся. Все, что надо будет, мы будем делать, но каждый приказ мы будем обсуждать. Само собой. У нас так, обсуждаются приказы...» [ПМА. № 1895, л. 29—32].

Следующий эпизод, связанный с нападением отряда Р. Гелаева на территорию Абхазии осенью 2001 г., служит еще одним примером, когда властные полномочия делегируются именно неформальному командиру:

Я подполковник тогда был, я уходил рядовым в разведгруппу. У нас был свой командир, он был просто рядовой... Я с погонями подполковника выполнял его приказы, потому что он знает лучше меня и больше меня. Ну и ситуация такая была, не до чинов, не до амбиций. То есть ты видишь, что этот человек лучше тебя выполняет задачу, и отдаешь свою свободу под него... и все хорошо получилось [ПМА. № 1895, л. 35].

Интересно в этой связи сравнить материал из работы В. В. Лапина, посвященной армии России во время Кавказской войны. Автор отмечает, что наиболее частым правонарушением, сложившимся под влиянием местных реалий, было «нарушение чинопочитания», «поскольку в условиях перманентной войны реальная иерархия не могла не вступить в противоречия с официальной» [Лапин 2008: 290].

Вполне вероятно, что не всегда перераспределение властных полномочий в абхазской армии протекало и протекает столь бесконфликтно, но действующее правило, когда командиром становится человек, с точки зрения ближайших соратников наиболее соответствующий этой роли, в итоге расставляет все точки над «i». В противном случае «назначенец сверху» не имел бы реальной опоры в среде своих подчиненных.

В ситуации, когда командиры батальонов обладали значительными полномочиями, задачи по руководству этими подразделениями представлялись далеко не простыми. Штабом ВФ проводились меро-

приятия, которые должны были упорядочить, облегчить управление подразделениями:

Были укрупнены отряды, так как проблема управления большим количеством мелких подразделений давала о себе знать [Амшенци. www.abkhaziya.org].

Но эти действия мало что меняли в самой сути взаимоотношений между штабом, планирующим общие операции и олицетворяющим современную армию с ее централизацией, и батальонами — отрядами самообороны села, обладающими значительным запасом автономии. О степени этой автономии свидетельствует, в частности, следующее высказывание нашего информанта:

Мы пленных имели, потом в Ткварчеле сдали их, чтобы их обрабатывали, а менять их не давали фронту, потому что у нас какие-то дела были свои. А когда услышали, что они их будут менять, мы пришли к Борисычу: «Мы их забираем!» [ПМА. № 1894, л. 27].

Таким образом, пленные являлись собственностью тех, кто их захватил, то есть людей батальона, и руководство фронтом не могло ими распоряжаться, даже исходя из общих интересов.

Еще более показательна следующая характеристика принципов управления, существовавшая на ВФ:

Вот операция какая-то... Ее надо быстро решить, обсудить... и пока это свежо, горячо, быстро проделать. И вот эти только еще недавно крестьяне, а сейчас уже командиры, солдаты, разведчики, саперы... Вот мы сидим в кругу и обсуждаем. Логика какая-то непонятная вообще! «Слушай это сейчас нужно делать». Он говорит: «Не-е-ет». — «Ну как нет? Ты понимаешь, они у тебя прямо в печенках, уже все, через день-два он тебя отрежет и все». — «Не-е-т. Не так. Он как корова сейчас. Он сейчас залег... как на новый луг зашел (смеется), там пасется, пока освоится... Он сейчас отдыхать будет». И он начинает мне кучу каких-то доводов приводить, которые меня не устраивают... Я не верю в это, но мне приходится, потому что я не имею возможности прямого давления на него, как в русской армии. Я не могу приказывать (выделено нами. — Ю. Б.). Я начинаю говорить, ну хорошо, там выигрываю себе какие-то минуты. Мы начинаем действовать по этой крестьянской логике, мы выигрываем, блестяще вообще (смеется). Без потерь, с огромными плюсами, с трофеями. Стоишь и думаешь: ну в чем дело? Откуда этот фарт? Можно объяснить это знанием местности. Но те, которые против нас стояли, там же и местных было много. Они тоже прекрасно знали эту местность [ПМА. № 1895, л. 21—23].

В этих условиях методы управления личным составом, спаянным тесными узами семейной и соседской солидарности, неизбежно

должны были строиться не на формальной субординации, а на хорошем знании «скрытых механизмов». В качестве примера приведем описание одной из операций на ВФ, где, по словам нашего информанта, «тоже абхазский обычай помог»:

Жесткая ситуация сложилась... Надо было принять десант... Там коридором встали наши войска. Значит, от моря до наших позиций. А здесь на море танк стоял. Там этот Хвича, нашего министра (Мераб Кишмария. — Ю. Б.) обороны брат... Ну вот, он с этим армянином Айком воевал... И вот, значит, там в этом секторе, где его танк стоял, (N.) начал выходить. Не выдержал. Бывает такое. Его все просят, умоляют (...) противник вклинивается сюда. Тут могут в плен попасть, погибнуть и ...не можем принять десант. Тяжелая ситуация. Ни там, на месте, ни по эфиру, ни за стесняюсь, ни за угрозы, ни за что хочешь. Человек не может... все уходит, уходит. И в это время сам наш командующий Мераб... звонит своему брату Хвиче: «Ты слышишь меня, что там происходит?» Тот отвечает: «Да». — «Что, теперь уже надо всем отходить, раз окно получается»... Там доступная для всех, вот эта старого образца радиостанция. Все друг друга слушают. «Послушай, у нас семеро братьев, как война началась, сколько людей погибло... Вроде бы все воюем, а все живые, даже стыдно на людях. Ты видишь, что происходит. Такую задачу нам наше правительство, командование из Гудауты приказывает, а здесь такое происходит... я тебе на правах старшего брата приказываю: „Пускай этот (N.) уходит с позиции, остальные, чтобы не погибли, пускай все уходят, а тебе мой братский приказ: „Оставайся там, ты сегодня должен погибнуть... наших братьев хоть приукрасишь“» [ПМА. № 1848, л. 8—12].

В этой ситуации, говоря словами нашего информанта, «все уже постеснялись и остановились, выдержали этот натиск» [Там же].

Фамильная солидарность и круговая порука являлись на войне, как и встарь, важным фактором, определяющим поведение каждого. Последствия воинского проступка были слишком очевидны.

У нас узнают об этом окружающие, соседи, родственники, семья. Такого позора... страш[ный] моральный ущерб можно нанести [ПМА. № 1848, л. 7].

Огласка воинского преступления, согласно точке зрения нашего информанта, наносила удар по репутации практически всех без исключения членов фамилии, что не могло не учитываться высшим руководством Абхазии.

Я думаю, что наш президент тоже очень мудро тогда поступил, что такие явления, которые у нас наблюдались во время войны... Что он не стал сразу так жестко подходить, как Сталин. Потому что у нас такая маленькая нация, нас мало. И если на одного человека скажут, что это

предатель Родины, это может даже оскорбить целый род [ПМА. № 1848, л. 26].

Хотя военные действия на ВФ, как отметил Б. Джапуа, и нельзя свести к характеристике «перестреливавшихся с соседним селом» партизан, тем не менее в ней отражена, возможно, самая главная особенность сложившейся в Очамчирском районе обстановки — чересполосное расположение территорий с грузинским и абхазским населением. В результате проводившейся переселенческой политики абхазские селения оказались в непосредственной близости от вновь образованных сел с моноэтническим грузинским населением. В дальнейшем подобное расположение населенных пунктов определило непростую оперативную обстановку на ВФ. Приведем одно из замечаний Б. Джапуа, которое может в целом характеризовать сложившуюся здесь ситуацию:

Нас в селе было 16 вооруженных человек, а ближайший очаг обороны находился аж в 7 километрах. Вокруг нас одни грузинские села! [Амшенци. www.abkhaziya.org].

Отметим, что в традиционном обществе внутренний вооруженный конфликт рассматривался как значительно более сложная ситуация по сравнению с ведением войны с внешним противником. Так, к примеру, у туркмен-эрсари наиболее опасными считались военные конфликты между соплеменниками. Причина заключалась в том, что каждой из враждующих сторон были хорошо известны все окрестные колодцы и характерные способы ведения войны противником [Ботяков 2002: 124].

Военные действия на ВФ развивались по аналогичному сценарию с учетом естественной поправки на особенности природной среды. Абхазам там также пришлось иметь дело с противником, который в равной с ними степени свободы ориентировался на местности.

Мы устроили минную засаду, выложили вдоль трассы 6 фугасов и противотанковых мин, замаскировали. Устроили несколько позиций для автоматчиков и пулеметчиков. При этом старались максимально не нарушать ландшафта, так как местные грузины могли заметить изменения, и тогда нас ждал провал [Амшенци. www.abkhaziya.org].

Основная сложность положения абхазского населения была напрямую связана с той позицией, которую занимали жители каждого из грузинских селений относительно войны:

Нам повезло, что кочарцы не решились воевать, они были против войны и сохраняли нейтралитет. Но рядом были сванские поселения, да и грузинские военные не особо слушали крестьян [Амшенци. www.abkhaziya.org].

Принятие подавляющим большинством местного грузинского населения позиции Госсовета Грузии в массовом сознании абхазского народа расценивалось как нарушение основополагающих норм общечеловеческого поведения, как проявление черной неблагодарности по отношению к соседям, к тем, кто оказывал всестороннюю помощь в трудное время переселения:

Когда о грузинах вспоминают: сколько они вкусили нашего хлеба-соли. Как они смогли вообще (...) Самое страшное, когда на хлеб-соль наступаешь. Они это не понимают [ПМА. № 1846, л. 42].

Как нам представляется, это обвинение в забвении добрососедских отношений в определенной степени коррелирует с широко распространенным в среде абхазского населения представлением о том, что абсолютно неправильно рассматривать сванов и мегрелов как часть грузинского этноса. Таким образом, с точки зрения абхазов, «оправдание» местного грузинского населения, в подавляющем большинстве относящегося к субэтнической группе мегрелов, ссылкой на необходимость поддержки общенациональных интересов не выдерживает критики.

На уровне обыденного сознания оказание посильной помощи близкому человеку, принадлежащему к противоположному лагерю, рассматривалось как поведенческая норма. Определенным доказательством тому может служить реакция общества на нарушение этой нормы. Так, наш информант стал свидетелем встречи двух бывших друзей — абхаза и пленного грузина:

«Вот ты попался брат, когда меня поймали, я на тебя надеялся. А ты со мной как поступил? Даже мои кольца-мольца забрал, воды не подал. А видишь, и ты попался...» Я так стоял, смотрел — два мужика, которые вместе росли. Он его один раз ударил. «Видишь, бог [есть?]... гора с горой не сходятся... Там тебе что стоило. Начало войны, не то что... уже кровь». Он его один раз ударил. «Пускай на твоей совести» [ПМА. № 1894, л. 29—30].

При этом известные случаи поддержки абхазов отдельными представителями грузинского населения, рассматривавшиеся, естественно, с одобрением, воспринимались скорее как проявление должного поведения:

Но... некоторые хотели с нами общаться... даже некоторые информацию давали: «Давайте выходите из села, потому что у них настрой такой, могут вас в плен взять, убить... потому что у них по пути солдаты погибли...» И некоторые бедные выходили, насколько им возможно было, типа скот ищет или что-то ищет: давали информацию. Кто как мог... А основная масса против пошла [ПМА. № 1894, л. 3—4].

* * *

Переходя непосредственно к процессу грузино-абхазских переговоров, в первую очередь отметим, что сам факт вступления в них грузинской стороны расценивался абхазами как очевидный политический успех.

Мы заставили это сделать [то есть относиться к себе как к равному противнику] результативностью своих боевых действий. Если бы мы были слабы, у нас не было бы успехов реальных, если бы они видели для себя совсем другую перспективу, они вообще бы с нами не разговаривали [ПМА. № 1960, л. 55].

Эта оценка ситуации, сложившейся в отношениях между сторонами конфликта, по сути, соответствует тому развитию событий, которое можно было наблюдать в ходе Кавказской войны. В своей работе В. В. Лапин останавливается, в частности, на одном из эпизодов военной кампании в Дагестане — осаде аула Тилитль. В связи с упорным сопротивлением операция затянулась, и генерал К. К. Фезе был вынужден пойти на подписание мирного договора с имамом Шамилем.

Такой исход был выгоден для имама. Во-первых, подпись генерала Фезе на таком документе фактически означала признание Шамиля не бунтовщиком и разбойником, а политически равновесной фигурой. Во-вторых, равенство в обязательствах сторон резко подняло его авторитет в горском обществе [Лапин 2008: 93—94].

В поле нашего внимания будет находиться главным образом тот сектор многоуровневого переговорного процесса, сопровождавшего грузино-абхазское военное противостояние, по отношению к которому приемлема характеристика «народная дипломатия». В силу этого в качестве главного объекта изучения мы рассматриваем сельские сообщества, а также структуры, их представляющие (штаб самообороны села, отряды самообороны, а в дальнейшем батальоны), так как переговоры, носившие «официальный», межправительственный характер, практически не оставляли шанса на участие в них представителям традиционной народной дипломатии. Это, в частности, и отметил один из наших информантов из селения Нижняя Эшера:

Нас, стариков, туда не пошлешь, потому что там грамотных людей надо. Ну, переговоры были. Но им ничего не докажешь. Ихняя земля — они так утверждали [ПМА. № 1959, л. 15].

В первые дни войны, когда парламентарство как система организации контакта с противником только складывалась, она неизбежно должна была отличаться большей спонтанностью, чем в последующий

период. Тем не менее выходящий на контакт парламентар, как правило, не был «случайным» человеком. Поэтому пример из интервью Б. Джапуа, который мы здесь приводим, есть скорее исключение из правила:

Мне кто-то рассказывал, что в районе Красного моста в подземном переходе, где эстакада, ребята сидели. Была легкая стрельба, вдруг слышат крик. Выглянули, а там стоит грузин с белым флагом и под мышкой кого-то держит. Я, говорит, хочу поговорить. Ему разрешили спуститься в подземный переход. Грузин спускается, а с ним парень — абхаз раненый. Заберите, говорит, это ваш парень раненый, а я здесь уже третий день, и я не шел на такую войну. В этой перестрелке, говорит, мы уже потеряли 57 человек убитыми [Амшенци. www.abkha-ziya.org].

Строго говоря, этот случай установления контакта с противником не может быть отнесен к парламентарству, так как грузинский солдат представлял собственную позицию, а не интересы определенной группы людей.

Насколько вообще можно говорить о народной дипломатии в годы войны (1992—1993) в Абхазии, если иметь в виду классические, традиционные формы этого института? В этой связи приведем наиболее радикальную точку зрения относительно традиционного парламентарства в годы грузино-абхазской войны, которая принадлежит нашему информанту из селения Атара:

Эта война настолько жестокой была, настолько несправедливой, что не приходится говорить о функционировании той привычной традиционной формы... посредничества. ... Я убежден, что дипломатия в грузино-абхазской войне как народная, через посредство старейшины и т. д., которые могли быть, должны были быть вовлечены в переговоры, — этого не произошло [ИМА. № 1961, л. 10, 12].

Здесь, во-первых, принципиально важным является подчеркивание того факта, что старейшины (то есть полномочные народные представители) не принимали участия в этом процессе. Это расценивается нашим собеседником как показатель того, что переговоров в их традиционной форме не проводилось.

С первого же дня... абхазский народ понял, простые люди, что это война для уничтожения абхазского народа и никакие переговоры не помогут, и не веля. Во всяком случае, на участке, который был в моем обозрении. Я не видел, чтобы нормальный человек вел переговоры о том, чтобы не вести войну [ИМА. № 1961, л. 12].

Показательно, что переговоры с грузинской стороной рассматриваются нашим информантом (если говорить о первой реакции его на

это слово) исключительно в связи с намерением со стороны общины заключить мир с противником, при этом иные причины, инициировавшие установление контакта с противником, просто не принимаются в расчет. Эта оценка перекликается с приведенной ранее, в которой наш эшерский информант также рассматривает переговоры лишь в контексте решения наиболее важных, принципиальных политических вопросов.

Но им ничего не докажешь. Ихняя земля — они так утверждали [ПМА. № 1959, л. 15].

Вероятно, в такой однозначной оценке невозможности переговоров с грузинской стороной отразилось традиционное представление об основном предназначении института народной дипломатии — преодолении конфликта. В сложившейся ситуации военной агрессии разрешение такого конфликта, как война, с точки зрения нашего атарского информанта, средствами народной дипломатии не могло быть выполнено в силу принципиального неприятия абхазским населением установления контакта с противником по данному вопросу.

Тем не менее, если процесс переговоров не рассматривать лишь исключительно в связи с вышеотмеченной задачей заключения мира, дипломатическая практика сельских сообществ в Очамчирском районе на первом этапе войны имела место. В нашем распоряжении имеется информация о трех случаях переговоров, которые сельское сообщество того или иного абхазского селения вело с представителями грузинской общины. Во-первых, мы можем привести интересную, с нашей точки зрения, информацию о переговорах, которые состоялись в конце сентября 1992 г. в селении Киндги между представителями грузинской и абхазской части населения и которые мы можем оценить именно как проявление «народной дипломатии». Переговоры были организованы после того, как отдельные попытки на уровне личных контактов призвать грузинскую часть населения к солидарности с абхазами ни к чему не привели.

Вместе выросли, какие-то пришли оттуда вооруженными, давайте вместе встанем. Они ни в какую не подписывались... Там село было Старый Киндги, Новый Киндги. В Старом жили коренные абхазы, там несколько семей грузинских, 5—6, и греки, и русские... Потому что мы вместе выросли там, в этом селе, вместе работали [ПМА. № 1894, л. 3].

Отметим, что подобные контакты на межличностном уровне проходили в разных селениях Очамчирского района. В частности, в селении Кутол его жители предложили соседям: «„Вставайте рядом с нами с оружием“. „Они говорят: „Не можем идти против братьев“, — рас-

сказывает Тенгиз. „Ну так еду хотя бы готовьте“. Они опять отказались»¹ [Перевозкина. Еженедельный журнал].

Инициатором встречи стал председатель колхоза, который собрал на нейтральной территории — в школе поселка, расположенного между Старым и Новым Киндги, людей, обладавших перед началом войны наибольшим влиянием на своих односельчан.

Председатель авторитетных людей с той и с другой стороны позвал... которые руководили людьми в разных должностях... Я там не присутствовал. Там старики. Нам старшие потом информацию дали. Собралось людей 20—25 с той и другой стороны... Говорим: «Давайте остановимся, встанем вместе, никого не запустим в наши села». Ну, они тоже против этого были (то есть против ввода грузинских войск в Абхазию. — Ю. Б.). «Ну, мы не можем ничего решать. Наши сыновья... мы их не можем остановить»... Ну, если ты своим сыном не можешь управлять и ситуацией. Каждый же человек знает, как приехал его отец жить сюда... (то есть знает, какую помощь оказало переселенцам из Грузии абхазское население. — Ю. Б.) Каждый свое мнение высказал. Наши сказали: «Потом не вините нас в чем-то... Если будете наши дома сжигать, уничтожать... они (абхазское сопротивление, главным образом мужская молодежь) тоже не дадут. Это ни вам, ни нам не нужно, но если вы на этом стоите, то что же делать? Оружие у вас, все у вас...» Они не могли управлять этой ситуацией... Наши шаг сделали: Давайте остановим! Ну они (грузины. — Ю. Б.) тоже, наверное, думали, что сила на их стороне... не знаю. Мужики пришли на разговор, тоже что-то решить. Кто хочет... зная, что война... пуля летит, что сына потеряет. Они тоже без жертв не будут, тоже чувствовали [ПМА. № 1894, л. 4—7].

Отметим, что на самом первом этапе войны население двух сел воспринималось абхазской стороной как единое целое, которое противопоставлялось прибывшим из Грузии военным формированиям. Это ситуация переходного характера, когда еще не произошло окончательного размежевания грузинской и абхазской частей населения (это подтверждается характером самих переговоров, проходивших втайне от военных властей), но конфликт уже налицо. Эти переговоры, как нам представляется, могут рассматриваться именно в качестве традиционной работы «ораторов» (*ацгажэа* — ‘говорящий, умеющий гово-

¹ Следует подчеркнуть, что, в силу значительной коммуникативной проницаемости абхазского общества, сформировавшееся представление о должном поведении соседей-грузин вылилось в устойчивую единообразную форму. Так, один из наших информантов свое отношение к позиции местного грузинского населения выразил практически теми же словами: «Но почему же вы уже 30—40 лет живете, ведь это уже ваша земля. Почему вы не стали рядом? Ну хорошо, воевать не можете — кушать готовьте, окопы ройте» [ПМА. № 1894, л. 24].

ритель», *абжьацаажэаа* — ‘говорящий между’), избираемых обществом для разрешения внутри- и межобщинных конфликтов. Во всяком случае, статус участников переговоров, проходивших в Киндги, как с той, так и с другой стороны соответствовал традиционно предъявляемым к ним в обществе требованиям: это были наиболее авторитетные представители обоих сел. И хотя, как уже отмечалось, они были наделены властью, являясь «людьми, руководящими в разных должностях», тем не менее в качестве главного критерия здесь можно выделить именно возрастную критерий.

Сам информант, занимавший к тому времени пост старшего инженера, то есть являвшийся лицом, относящимся к руководству села, в этих переговорах участия, тем не менее, не принимал и информацию о них получил от своего отца — одного из участников встречи, которых определил как «старших» и «стариков».

Главным, что отличает традиционного оратора, является, согласно единодушному мнению наших информантов, его принадлежность к старшей возрастной страте. Терпимость и упорство, необходимые при решении сложных, нередко взрывоопасных дел, в обыденном сознании являлись отличительными свойствами возрастной группы стариков. Действительно, несмотря на то что к моменту встречи в поселковой школе ситуация отличалась напряженностью, эмоциональный фон встречи, по словам нашего информанта, был довольно сдержанным.

Попытка объединить усилия перед лицом внешней опасности потерпела неудачу. Тем не менее эти переговоры имели большое значение. С этой минуты абхазская и грузинская части общины официально разделились, определив свои позиции в конфликте. При этом интерес представляет аргументация грузинских представителей, расписавшихся в утрате влияния на мужскую молодежь и в подавляющем большинстве своем поддерживавших центральные грузинские власти. Здесь мы сталкиваемся с известным в этнографии явлением, когда в критические для общества периоды возрастная группа молодежи, и без того представлявшая собой «взрывоопасный материал», брала на себя полномочия, значительно превышающие обычный уровень, что не могло не привести к выходу их из-под контроля представителей старших возрастных групп. Аналогичным образом развивались события и во время Карабахского конфликта, когда армяно-азербайджанские столкновения в 1988 г. привели, согласно словам информанта А. Акопяна, к тому, что «молодежь взяла власть в свои руки» [Гусейнова, Акопян, Румянцев 2008: 90].

Примеры такого рода мы без труда найдем в истории Кавказской войны и последующего периода. Так, когда в 1868 г. российские власти решили провести разоружение горцев Северо-Западного Кавказа, это привело к волнениям среди населения, и в первую очередь среди молодежи, вызвав с ее стороны резкое противодействие. Кабардин-

ские старшины в своем докладе вышестоящему начальству писали о том, что «молодежь их не слушает и не слушает никаких увещаний, а силу готовится увещать оружием» [ГАКК, ф. 799, оп. 1, д. 2, л. 25].

Вернемся к событиям грузино-абхазской войны. Примечательно, что степень утраты полномочий старшим поколением грузин селения Кинди наш абхазский информант проиллюстрировал примером, в котором предстает вопиющее, с точки зрения кавказского менталитета, нарушение нравственных норм:

Там такой случай был, говорят... отец стал своим сыновьям говорить: «Не делайте [не идите против абхазов]... Когда нас сюда заселили, они нас кормили, поили, мы на их хлебе-соли выросли»... Сыновья взяли при всех своего отца избили за то, что он так высказался [ПМА. № 1894, л. 7].

Впрочем, возможно и другое объяснение развития событий, которое также могло соответствовать принятой в традиционной дипломатии стратегии поведения, когда общинное руководство перекладывало ответственность за принятие непопулярных или рискованных решений на молодежь, обвиняя ее в «неуправляемости». Поэтому вполне возможно, что приведенный ниже комментарий одного из многочисленных событий Кавказской войны — перехода русской колонны в Абинское укреплении в 1844 г. — не отражает реального положения дел:

В то время как в арьергарде горская молодежь и удалыцы дрались с нашими солдатами и казаками, в авангарде являлись старики и почетные люди, объясняя весьма равнодушно, что трудно у молодежи отнять охоту порезвиться (цит. по: [Лапин 2008: 71]).

Переговоры в Киндги не являлись единственной попыткой установления договорных отношений между грузинской и абхазской общинами. По мнению Б. Джапуа, единственным известным ему примером установления дипломатических отношений между грузинскими и абхазскими селениями за всю войну на ВФ было заключение соглашения о нейтралитете между обществами селений Кочара, Члоу и Гвада. Суть договора сводилась к тому, что представители упомянутых сельских обществ обязались соблюдать нейтралитет и не принимать участия в боевых действиях против соседних сел. По словам нашего информанта, в каждом дворе этого грузинского селения висел белый флаг, говорящий о позиции, занимаемой хозяином дома по отношению к войне. Условия этого договора соблюдались до 26 ноября 1992 г. После того как в село Кочара вошли вооруженные силы Грузии, председатель колхоза [Мхеидзе] с риском для жизни успел передать абхазской стороне информацию о том, что община перестала контролировать ситуацию и в силу этого уже не может выполнять взятых на себя обязательств [ПМА. № 1962, л. 21—22].

И последний пример, который мы хотели привести, касается переговоров, проведенных представителями селения Атара и грузинского поселка Наа. Причиной организации встречи стала гибель при переправе через Кодор группы пробиравшихся из Сухума на ВФ местных абхазов в самые первые дни войны. Поиск тел вдоль русла реки был серьезно осложнен обстрелом с противоположного берега. Задача абхазских парламентаров сводилась к достижению договоренности о безопасном передвижении по берегу занятых в поиске людей. К тому времени в Аtare уже был создан штаб самообороны, куда вошли представители администрации и практически всех входивших в село поселков. Именно штабом был определен состав отправившейся на встречу с грузинской стороной небольшой группы парламентаров. В нее вошло три человека, это были обратившийся в штаб за содействием отец одного из погибших и представитель штаба — мужчина средних лет, не только пользовавшийся авторитетом среди жителей селения, но и (что в данном случае является принципиально важным) умевший вести переговоры. Руководителем группы стал мужчина, относившийся к старшей возрастной группе. На момент встречи ему было приблизительно от 65 до 70 лет. По словам нашего информанта, встреча произошла следующим образом:

Подожли к поляне, где они уже собрались, человек десять, и сидели на бревнах... местные, грузины (поселка) Наа, свои тамошние люди, на этой стороне живущие... не той. И мы там, когда подошли, не сели с ними вместе. Там один оказался знакомым... он поздоровался, помоему. Общий привет, конечно, здравствуйте, было сказано. Это факт. И с ихней и с нашей стороны. Здравствуйте... только на русском... он нейтральный. Мы же гамарджоба там не сказали бы. И не сказали бы абзираз. Главное, что поздоровались. Чисто по человечески. Даже с врагом абхазцы... и врагу приходится иногда подавать руку. Ситуация смотря какая. (За руку поздоровались?) Нет, за руку не здоровались. И они тоже. Руку не протянули. Бардуша [старший в абхазской группе], может быть, поздоровался, насколько я помню. Мне кажется, это ему позволено было, он как старший, старик, знакомый... Главное, что мы поговорили и назначили время. Завтра, например, с утра до вечера будут вестись поиски на берегу... вылавливать будем трупы... И просим не беспокоить, не стрелять с той стороны, чтобы вы не думали, что мы там разведку проводим... Они согласились: [иронично] «Да-да, понимаем. Что вы, что вы». И все. Тон разговора нормальный... я вспомнил один нюанс, они сами внесли предложение такое: «На этом берегу вы ведите поиски, а вода могла их вынести и на тот берег. И там мы будем вести...» Они даже обязали себя, якобы будут шарить по берегу реки с ихней стороны... Война шла уже вовсю. Они знали, что может наступить такое время, когда им самим придется что-то такое подобное... Это не дружественный жест. Это необходимость... Угроз с той стороны и этой не было [ИМА. № 1961, л. 40—47].

Главное, что здесь следует отметить, это одна из характерных особенностей народной дипломатии — умение даже при контакте с противником находить общее «пространство», необходимое для решения насущных вопросов. Иначе говоря, умение отделить проблему решения конкретного вопроса от человеческого фактора. «Необходимость», о которой упомянул наш собеседник, есть, собственно, один из краеугольных камней народной дипломатии — умение рассматривать жизненную коллизию не в узких рамках конкретного случая, а в ее долгосрочной перспективе. В данном случае грузинская сторона, идя навстречу абхазской, оставляла себе на будущее пространство для маневра.

Реалии войны вынесли на повестку дня совершенно новые, отличные от мирной жизни проблемы, разрешение которых по объективным причинам уже не могло находиться исключительно в компетенции совета старейшин.

Тем не менее, несмотря на то что представители военных структур стали основными участниками проведения локальных переговоров на линии фронта, в ряде случаев в характере этих переговоров достаточно отчетливо проступает традиционная основа. Приведем здесь описание переговоров, которые, как нам представляется, можно рассматривать в качестве примера подобного рода дипломатических контактов. Участниками этой встречи с абхазской стороны стали представители командования ВФ, грузинская сторона была представлена видным лидером мегрельского повстанческого движения Вахтангом (Лоти) Кобаля и его ближайшим окружением, общая численность которого составила 17 человек. Согласно информации, полученной нами от непосредственного участника этих переговоров В. Бигуаа, встреча произошла по инициативе В. Г. Ардзинба, который считал необходимым выйти на контакт с Лоти Кобалей. В свою очередь, руководитель вооруженных мегрельских формирований также был заинтересован в этом контакте, поскольку являлся сторонником президента З. Гамсахурдия и видел в абхазском сопротивлении силу, противостоящую режиму Э. Шеварднадзе. Встреча произошла в 1993 г., вероятнее всего в мае, на абхазской территории, в селении Бедиа в доме абхазского крестьянина Мирана Джинджолия. Со стороны абхазов присутствовал командующий ВФ М. Кишмария, комиссар ВФ Г. Адзимба, начальник тнварчельского военного гарнизона Д. Пилия, комиссар тнварчельского военного гарнизона В. Бигуаа. Перед абхазской стороной стояла задача получить гарантии того, что население Галского района будет занимать в этой войне нейтральную позицию. В свою очередь, Л. Кобалей ставил вопрос о гарантии со стороны абхазов безопасности населения Галского района. Переговорщики пришли к взаимному соглашению и, по словам В. Бигуаа, Л. Кобалей сдержал свое обещание сохранять нейтралитет. На протяжении семи километров границы в

районе селений Бедиа — Санарда Л. Кобалия вытеснил неподконтрольные ему формирования, поставил своих людей и, кроме того, снабжал население мукой.

И мы свободно по улице, которая разделяет село на две части... свободно мы ходили и ездили [ПМА. № 2011].

Отметим теперь некоторые наиболее примечательные для нашей темы особенности этих переговоров. Во-первых, следует обратить внимание на такой аспект, как подготовка абхазской делегации к встрече. Согласно В. Бигуаа, Д. Пилия особое внимание уделил внешнему виду группы сопровождения делегации переговорщиков. «Одел, обул, одним словом, по американскому образцу, очень хорошо. Это он специально сделал, чтобы как бы не отстать от грузин (смеется) и показать, что в этой войне мы выиграем, а не они». С точки зрения нашего информанта, эта подготовка была не напрасной и достигла ожидаемого результата: внешний вид абхазских военнослужащих значительно контрастировал с грузинской делегацией, среди которой многие не имели военной формы. Это с самого начала создало психологический перевес для абхазских переговорщиков. «Он [Л. Кобалия] сразу признался: „Ребята, вы, — так посмотрел на наших ребят, — (смеется) ребята в этой войне вы победите“. Это его слова, точно» [ПМА. № 2011]. Подобный подход к проведению переговоров можно рассматривать как проявление давней абхазской традиции в сфере народной дипломатии. В традиционном абхазском обществе, например, выделялась особая категория людей, обладавших ораторскими способностями. Эти люди образовывали своеобразную категорию населения; не будучи заняты в работах, они передвигались на значительные расстояния, обменивались новостями, представляя интересы своей семьи и фамилии. При этом «семья содержала такого человека, давая ему возможность иметь красивого коня, одежду, оружие» [ПМА. № 1832, л. 20—21]. Понять, какое значение в глазах местного населения может приобретать внешний вид, как он может воздействовать на людей в ответственной ситуации исполнения дипломатической миссии, поможет предание о получении абхазскими мухаджирами территории для проживания в Турции. Согласно этому преданию, когда абхазы высадились в Трабзоне, там стояла изнурительная жара. Абхазские старейшины, испросив разрешения, провели обряд вызова дождя, завершившийся мощным ливнем, который спас местное население от эпидемии и гибели урожая. В благодарность местные власти разрешили абхазам отправить к султану делегацию, перед которой стояла задача получить разрешение селиться на пригодных для жизни территориях.

Когда они прибыли уже в Стамбул, затянулись в черкески, до блеска начищенные сапоги... одежду старую сняли... кинжалы серебра-

ные, красивые пояса, газыри. Девушки туго в корсеты затянулись, серебряные... Абхазы пришли к султану. Султан, когда глянул... заходят. Действительно порода, заходят человек 15. Один лучше другого. «Что это за ангелы! Выберите любые места». «А мы привыкли жить там, где лес и вода. Наш народ не выживет в Трабзоне». Расселились в более-менее нормальных местах [ПМА. № 1846, л. 29—31].

Что касается непосредственно самих переговоров, то здесь отметим следующее. В силу того, что переговоры проходили в доме абхазского крестьянина (дом стоял на границе, в 200—300 метрах от грузинских позиций), группа мегрельских парламентаров имела статус гостей, что накладывало на принимающую сторону определенные обязательства. По словам В. Бигуаа, абхазские парламентары первыми прибыли на территорию проведения переговоров. При этом на группу прикрытия абхазов возлагалась ответственность за общую безопасность. «А вот наши солдаты тоже не принимали участия [в переговорах], это вели мы как старшие, они стояли как бы в окружении (...) защищая и нас и их». При встрече участники переговоров обменялись рукопожатиями, а непосредственно во время обсуждения вопросов между членами делегаций установился спокойный, доверительный тон.

Лото и его друзья очень мирно, доброжелательно, можно сказать так, во всяком случае, мы так чувствовали их доброжелательность, мы разговаривали и Лото не раз подчеркивал, не раз, что, ребята, в этой войне выиграете вы, а не шеварднадзевские бандиты. Он их так прямо и называл [ПМА. № 2011].

По словам нашего информанта, «суровости там не было, как будто не было никакой войны, просто мы вели в нормальной обстановке переговоры» [Там же]. Отдельно следует отметить, что и хозяин дома, согласно законам абхазского гостеприимства, зарезал для угощения собравшихся быка.

Между тем, несмотря на сказанное, заинтересованные в союзе (пусть даже временном) стороны были далеко не дружественны по отношению друг к другу. Об этом, в частности, можно судить по поведению некоторых членов делегации. Так, например, Г. Адзимба, потерявший незадолго до этого брата, не сумел преодолеть чувства острой неприязни и еще до начала переговоров ушел из дома. «Он говорит: „Я не могу с кровопийцами сидеть за одним столом и разговаривать“». Аналогичным образом был настроен и М. Кишмария, находившийся в помещении, где проходили переговоры, но практически полностью от них устранившийся. «Ну, напряжение было, безусловно. Не совсем это было приятно. Но это вынужденная была встреча...» [ПМА. № 2011].

Во время переговоров с одной стороны стола сидели Д. Пилия и В. Бигуаа, напротив них Л. Кобаля и двое из числа делегации. Со-

гласно кавказской традиции, право начать обсуждение было предоставлено самому старшему по возрасту из присутствовавших, в данном случае В. Бигуаа. Если абхазы вели переговоры на паритетных началах, по очереди дополняя друг друга, то от грузинской стороны выступал исключительно Л. Кобаля.

И последнее, на что мы обратим внимание. С завершением официальной части переговоров началось застолье, в котором приняли участие не только переговорщики, но и члены грузинской делегации, а также местные жители. Совместная трапеза после принятия окончательного решения является в народной дипломатии обязательной и очень важной фазой, скрепляющей взаимное решение сторон. Поскольку переговоры проводились в абхазском доме, то и сценарий проведения застолья, включая порядок произнесения тостов, проходил по абхазскому сценарию. Приведем здесь последовательность тостов:

Первый тост за абхазским столом... «Бог, дай нам тепло своих очей». Второй обязательный тост — за народ. Мы сказали за абхазский народ, который борется за правду, за правое дело... И, естественно, за грузинский, мы добавили, именно народ, не за тех, кто сейчас противостоит нам... госсоветовцы. [Он тоже за абхазский народ пил?] Естественно, естественно. А потом мы третий тост за Ардзинба, и он поднял. И не только он, а все, [кто были с ним]. Потом это все стоя. Четвертый тост мы подняли за хозяина дома, который устроил нам хлеб-соль. Потом мы выпили за всех гостей, ребят, которые его сопровождали отдельно. За него отдельно, за них отдельно. И потом как по старшинству, там сидели еще старшие люди, вот за них так по старшинству. И потом последний — за хлеб-соль этого дома... [ПМА. № 2011].

Отметим также, что во время абхазского застолья, например во время свадьбы, когда за столом встречаются представители двух сторон, происходит своеобразное соревнование — «винный турнир», победитель которого должен не просто выпить больше своего противника, но сохранить при этом трезвый ум и правильную речь. Нечто подобное произошло и на неофициальной части встречи в Бедиа. «Лото, как я до этого слышал, очень любит пить, хлеб-соль любит и много пьет, потому его называют винопийцем, то есть Лото, это его не имя... прозвище... А потом, когда мы навеселе уже стали, я решил его как бы напоить [смеется]. Думаю, давай я его... но не смог [смеется], так, мирно разошлись» [ПМА. № 2011].

Состав группы переговорщиков во многом был обусловлен характером проблемы, вынесенной на переговоры. Отметим вопросы, инициирование которых было связано с сугубо тактическими задачами, то есть те, которые находились исключительно в компетенции военных структур. Во-первых, дипломатический контакт с противником в традиционном военном деле нередко был связан с элементарной попыт-

кой выиграть время, необходимое для проведения операции или маневра. В период Кавказской войны адыгские дипломаты на переговорах с представителями российского командования в ряде случаев умышленно их затягивали, что давало возможность перегруппировать силы и отвести мирное население в безопасное место. В. А. Потто описывает один из подобных случаев, когда к удивлению незнакомых с местными реалиями наблюдателей, переговоры, на которых в течение семи дней выступали народные дипломаты, ни к чему не привели [Потто 1994: 312].

Подобное положение дел имело место и в ходе военных действий на ВФ, когда организаторы переговоров могли преследовать единственную цель — выиграть время для подготовки военной операции. Наш информант отметил, что, когда в сентябре 1993 г. было блокировано населенное грузинами село Новое Кинги и абхазы выдвинули условия сдачи, грузинская сторона попросила время:

Они говорят: «Дайте два часа, потому что народ надо собрать». А в течение двух часов они свой вопрос уже решили. Уже подогнули технику. Нам сбоку дали удар, с воздуха, с моря [ПМА. № 1894, л. 17].

Эти «теневые» задачи, решавшиеся с помощью переговоров, могли иметь достаточно широкий диапазон. Так, в частности, когда перед абхазским командованием возникла необходимость решить проблему, связанную с позицией в районе селения Моквы (Чайсовхоз), ставшей одним из уязвимых мест в обороне, «пришлось идти на нетрадиционные методы ослабления нажима на этом участке фронта. И мы там сделали по договоренности с грузинской стороной коридор для переговоров и обмена военнопленными и телами погибших и других контактов, которые всегда возникают в процессе боевых действий между противоборствующими сторонами. До этого этот коридор находился где-то в районе села Бедиа... там у нас было слабое звено» [ПМА. № 1844, л. 2].

С помощью переговоров могла решаться и другая, не менее важная военная задача — дезинформация противника.

Мы скинули информацию, что командир чеченец. Я старательно делал из себя чеченца, отпустил бороду, зеленая повязка на голове. На переговорах говорил с чеченским акцентом [Амшенци. www.abkhasiya.org].

Но главным, что обуславливало необходимость постоянного контакта парламентариев на линии фронта, был обмен тел павших и пленных. Уместно напомнить, что похоронно-поминальная обрядность является той сферой, где абхазское общество демонстрирует наибольшую степень преемственности традиции. Абхазская ментальность в

этом вопросе не склонна к компромиссам: тело родственника должно быть оплакано и погребено на семейном или родовом кладбище. Здесь можно привести высказывание одного из наших информантов, которое, безусловно, отражает мнение самых широких слоев абхазского общества. «У нас считается, что не так страшно потерять брата, как его не похоронить». Приведенный ниже случай был нам рассказан как пример жертвы, на какую способен пойти человек, вставший перед проблемой выбора:

Когда через Гумисту после неудачного наступления труп отца нес, товарища ранило. «Отец, извини меня». Отца оставил, товарища взял и перенес [ПМА. № 1895, л. 95].

Показателен и другой пример, когда понимание долга по отношению к покойному становится определяющим фактором в принятии оптимального решения по ограничению риска на фронте:

Я их [сыновей] единственно разделил, потому что если одного ранил или он погибнет, второй за ним пойдет и тоже... Разъединил, одного в одну сторону, другого в другую. Обижались, обижались на меня, потом согласились, что все-таки я прав [ПМА. № 1894, л. 24—25].

Существовавшее в традиционной культуре представление о подчеркнуто корректном отношении к телу покойного не просто сохраняется до настоящего времени, а рассматривается носителями этой культуры в качестве одной из важнейших составляющих абхазской идентичности. Это правило в равной степени распространялось и на тела погибших противников и в определенной степени формировало стилистику переговорного процесса на фронте. Показательным в этом отношении является рассказ нашего атарского информанта о том, как в годы войны ему пришлось эксгумировать и передать сванам тело их близкого:

Он в земле был закопан... 6 месяцев и 4 дня был труп. Чистый был, я его даже искупал. Тело покойного, ради уважения к трупу... я его помыл, искупал... Выкопал из земли, искупал, в гроб положил, руки сложил аккуратно... Я пришел, слово не сказали они, потому что я сделал им добро. Он [родственник покойного] что сказал: «Наступит мир, я буду обязан тебе» [ПМА. № 1961, л. 31].

Или другое сообщение о передаче тел погибших военнослужащих грузинской стороне:

Тут принесли этих покойников на носилках, завернутых в белую простынь, ну все-таки человеческое что-то надо выдерживать... Раз подняли белый флаг... [ПМА. № 1961, л. 88].

Тела покойных при обмене в представленном выше контексте не только были главным предметом переговоров сторон, но фактически выполняли своеобразную посредническую функцию.

Отношение к павшим на войне имело еще один очень важный аспект в противодействии сторон. Во время Кавказской войны в русской армии, которая восприняла многие военно-этические нормы народов Кавказа, «всегда считалось позорным оставить тело убитого в руках неприятеля... К тому же если тела брошены, значит, поле сражения осталось за неприятелем... Вынос тел был составной частью представлений об... организации пространства войны и, как следствие, — о принципах стратегии и тактики» [Лапин 2008: 288].

Противник, владевший телами павших, обладал и абсолютной для абхазов ценностью. Согласно утверждению наших информантов, правильно оценивая эту особенность абхазского менталитета, грузинское командование предприняло попытку, направленную на дестабилизацию ситуации в лагере противника. После неудавшейся мартовской операции на Гумистинском фронте на грузинской стороне оказалось значительное количество павших абхазов. Вопреки сложившейся к тому времени практике, тела абхазской стороне не были выданы. Эта ситуация вызвала среди мирного населения значительные волнения, которые вылились в стихийные митинги. На этих митингах родственники погибших обвиняли первых лиц правительства Абхазии в неадекватности и требовали тела погибших близких.

* * *

Фронтное противостояние, представлявшее собой разновидность тесного человеческого контакта, приводило к ситуации, когда противники, накапливая необходимую оперативную информацию друг о друге, «погружались» и в сугубо бытовую сферу жизнедеятельности своего врага. Показательным примером тому служит следующий фрагмент из интервью с Б. Джапуа:

Мы провели чемпионат Восточного фронта по футболу. В футбол играл весь фронт, команды ездили друг к другу. Я уже не помню, кто выиграл — кажется, кутольцы — а призом был бык. Грузины связывались с нами по рации — садились на нашу частоту, спрашивали счет в матчах [Амшенци. www.abkhaziya.org].

Другой пример этого рода можно привести из опубликованного дневника А. Кубравы, находившегося в годы войны в занятых грузинами Очамчирах. Основным источником информации для автора книги стали материалы грузинских СМИ, а главное — распространявшиеся среди местного населения многочисленные слухи, к которым сам А. Кубрава относился в достаточной степени критично:

По словам сведущих людей, Мераб Кишмария... один из руководителей партизанского движения в нашем районе — еще до появления отряда Л. Кобалия предложил грузинской стороне отложить на время автоматы и взяться за плуги... чтобы начать посевную в селах. Не знаю, прислушалась ли к его словам грузинская сторона или же дала твердый отказ [Кубрава 2010: 295].

Однако этот тесный контакт мог приводить и к более сложным формам фронтовых взаимоотношений. Речь в данном случае идет о той ситуации, когда при разрешении внутреннего конфликта в роли посредника оказывался противник. Материал, предлагаемый по данному вопросу, весьма ограничен и сводится лишь к двум известным нам случаям. Впрочем, примеров подобного рода и не может быть много. Первый из двух рассматриваемых сюжетов связан с трагическим случаем, имевшим место в одном из селений, входивших в зону ВФ. Причиной конфликта стала рубка на дрова дерева, росшего на границе участков, принадлежавших двум двоюродным братьям. Один из братьев в отсутствие своего родственника-соседа срубил дерево, которое долгое время являлось порубежным знаком и воспринималось окружающими как символ рода.

А другой пришел и убил его за это. Где суд, где милиция, прокуратура? Восточный фронт, окружение, ужас, страх... И он в ту же ночь ушел от людей, от всех... вышел на грузин, ввязался в бой... погиб героически. А наши на него были обижены, не приходили за ним. Осень, холодно, труп не разлагается. Они [грузины] уже потом сами пришли... Сказали: «Видимо, он у вас чем-то провинился, вы не приходите. Он у нас лежит, погиб героически, достойно [надо] похоронить». Они сами его труп отдали [ПМА. № 1847, л. 31].

В рассмотренном эпизоде действия грузинских военных, взявших на себя роль сторонних арбитров, объективно были направлены на реабилитацию памяти покойного среди его окружения. Во втором случае роль посредника, в которой на этот раз оказались уже абхазские партизаны, проявилась более отчетливо, так как их участие в разрешении конфликта инициировалось одной из сторон, а самое главное, абхазы, хотя и вынужденно взявшие на себя эту роль, успешно довели ее до конца, проявив при этом активную позицию. Этот конфликт начался с пленения абхазами грузинского солдата, вчерашнего школьника, который по истечении определенного времени в результате обмена был возвращен своим. Однако в ходе дознания у грузинского командования возникли серьезные сомнения в правдивости объяснений этого военнослужащего относительно обстоятельств, сопутствующих его пленению.

Они его опять привели, мол, мы не хотим, заберите его. Все погибли, он остался. Он предал... Он при них говорит: «Скажите, как вы меня взяли». И мы сказали: «Если вы его расстреляете, Бог вас накажет». Как он им сказал... его слова так же передали... И тот [грузинский офицер] говорит: «Нет, мол, забирайте, что хотите с ним делайте». А у меня Пинзик (Лепсая Шаруан) был сильнейший разведчик. Он говорит: «Я ходил в тыл врага, этого командира пару раз засекал, но не трогал». И он ему момент рассказывает: «Там если бы у меня приказ был бы, завалил бы на месте». Он ему сказал — вот в таком-то месте, в такое-то время [тебя видел]. У него шапка вот так поднялась. Волосы дыбом встали. «Мы тебе говорим, как есть, а ты... мы (с ним) как с человеком поступили» [ИМА. № 1894, л. 25—26].

Подтверждение слов грузинского солдата абхазскими партизанами не вызвало доверия со стороны его командира. Однако абхазы нашли весьма действенный аргумент в пользу своей беспристрастности, аргумент, может быть, и не имеющий непосредственного отношения к рассматриваемому вопросу, но от этого не ставший менее убедительным для противной стороны. В итоге вопрос был решен в пользу обвиняемого, и грузинские парламентарии покинули переговоры.

Надо отметить, что в истории Кавказской войны были прецеденты, когда местное население обращалось к русским с просьбой о посредничестве, вероятно, видя в них некую стороннюю, беспристрастную силу, способную выполнить посредническую роль во внутреннем конфликте:

В одном из укреплений, занятом русскими войсками, из ближайшего аула пришла абазинка, прося помощи и влияния воинского начальника, чтобы он заставил мужа ее переменить поведение, нарушающее законы семейной жизни [Аверкиев 2005: 293].

Подавляющая часть переговорного процесса протекала, тем не менее, в ином формате, который точнее всего можно определить таким распространенным словосочетанием, как дипломатический поединок. Отметим, что даже встреча представителей абхазских фамилий по урегулированию конфликта осознается ее непосредственными участниками и всеми, кого они представляют, как состязание двух сторон, в котором мастера слова должны продемонстрировать не только высокий уровень искусства дипломатии, но и необходимые волевые качества.

По большому счету, [это] словесная война, но умная война. Отдельными вылазками... С обеих сторон... испытывают оружие... и заодно смотрят, на чем их потом взять... начинают нажимать на слабое... может, гонором их взять или апсуара². Любые зацепки. Неправильно, не

² А п с у а р а — морально-этический кодекс абхазов.

вовремя сказанное слово, за это могут зацепиться, и ты неправ. Жест, мимика, взгляд — все имеет значение. Атмосфера тяжеловатая, тяжелая [ПМА. № 1846, л. 66, 73].

Чего ожидали в этом случае от своих представителей однофамильцы, лаконично выразил один из наших информантов: «Они были посланы, чтобы вышли оттуда победителями...» [ПМА. № 1846, л. 69]. Что касается переговорщиков на линии фронта, то здесь своей цели они достигали в несопоставимо более жесткой обстановке, используя любую имеющуюся у них возможность. Наш информант из селения Атара вспоминает один из эпизодов местного переговорного процесса, когда сваны потребовали выдачи тела своего убитого родственника, пообещав взамен одного пленного абхаза. В свою очередь, абхазская сторона оговорила для себя десятидневный срок, якобы необходимый для отыскания тела, а за трудоемкие поиски на обширной, пересеченной местности потребовала в обмен не одного, а десять пленников. Условия абхазской стороны были приняты и обмен состоялся [ПМА. № 1961, л. 29]. Таким образом, в тот раз локальная дипломатическая победа была одержана абхазами, которым на самом деле было хорошо известно место захоронения свана.

Сам же поединок как явление сохранялся в местной военной традиции вплоть до Кавказской войны. Причиной его исчезновения стало то обстоятельство, что военная организация народов Кавказа пришла в соприкосновение с европейской армией — безликой отлаженной машиной, совершенно не предназначенной для «адресной» схватки, когда ее участники хорошо знают друг друга [Лапин 2008: 240]. Одной из основных характеристик классического поединка можно считать наличие этапа предварительной договоренности, когда определялись участники и регламентировались условия схватки. Один из эпизодов боевых действий на ВФ, описание которого приводится ниже, мы склонны рассматривать именно как поединок в его классической форме. Представляется, что появление поединка, пусть даже в качестве единичного эпизода, было опосредовано особенностями боевых действий на ВФ, когда противостоящие стороны сражались не с безымянным врагом, но были нередко хорошо осведомлены друг о друге. В пересказе очевидца события выглядят следующим образом:

На глазах у целой армии это произошло. Он там один, сам вышел на трассу, встал перед этой машиной и расстрелял ее. Один раненый и трое [двое?] здоровых остались. Машина перевернулась, съехала. Эти все... раненого затащили за сосну. Они с той стороны, а наши с этой стороны. Они по-русски нам крикнули: «Кто, мол, такое себе позволил?.. Кто это такой, мол, мог себе позволить?» И он крикнул, что он Заза Зантария. И они: «Мы слышали за тебя, но выйди, покажись». — «Мы же не в цирке находимся, [не] в театре». Как-то [так] он ответил:

«Выходите вы, и выйду я». Они тоже в натуре вышли двое. Ну, разве они успели бы раньше его поднять оружие или выстрелить. Он опять вышел, расстрелял их обоих. А тот, раненый только, жив остался [ПМА. № 1848, л. 27—28].

Как и в поединке, предварительный этап переговоров преследовал цель создания участникам диалога равных условий, что являлось известной гарантией их безопасности³. По сообщению наших атарских информантов, в зоне их компетенции вопрос безопасности во время переговоров грузинская сторона решала с помощью системы заложников, когда на переговоры с их стороны посылались пленные абхазы, которые доставляли абхазской стороне условия обмена. После чего они возвращались назад, принося ответ абхазской стороне. Гарантией возвращения «парламентера поневоле» являлось нахождение в плену близких ему людей [ПМА. № 1961, л. 27—30]. Это сообщение подтверждается материалами дневниковых записей А. Кубрава, который записал рассказ его сестры о том, как ее вместе с несколькими абхазскими мужчинами и женщинами взяли в заложницы и послали забирать у абхазских партизан в Тамыше тело убитого мингрела [Кубрава 2010: 161].

Это подразумевало в первую очередь согласование состава участников и места встречи. Языком переговоров был русский — нейтральный для представителей обеих сторон.

На их частоту садились наши и обговаривали... По радики, код давали, они нам говорили: «С вашей стороны трое и с нашей стороны трое» [ПМА. № 1894, л. 15].

...Наши представители, ребята, которые его [парламентера] там прикрывали во время переговоров... обязательно кто-то должен прикрывать, там стоять в стороне, сидеть, наблюдать, чтоб не было никаких эксцессов. То же самое, что и грузинская сторона делала [ПМА. № 1844, л. 4].

Или другое описание подготовки встречи парламентаров:

По радики связывались... просили перейти на другую частоту... Чтобы другие не слышали. Ну да, это же дело такого характера... всему фронту зачем слушать, что там говорят. Договаривались о дне встречи, о количестве людей, даже иногда о персонах договаривались, потому что не всякая персона была удобоварима на переговорах... Потому что может конфликтный человек или зараженный там злобой, и переговоры

³ На практике равные условия проведения переговоров соблюдались не всегда. «Там, короче... позиция... нам нужно было пройти 1700 метров, а им 400 метров от их окопов. Настолько они боялись выйти вперед, а нам что делать... мы втроем, короче, дошли туда и разговаривали с ними» [ПМА 1847: 35].

не состоятся просто. Потом таких комфортных в плане разговора людей назначали с обеих сторон. Отвод мог быть, если они известны, если это были приезжие... [ПМА. № 1844, л. 10—11].

Насколько важна для успешного проведения переговоров адекватность статусов его участников, показывает «пример от обратного» — описание работы прибывшей в г. Ткварчал международной комиссии:

Я один раз сам участвовал в переговорах. Они были в Ткварчалах. Туда прибыла какая-то международная комиссия... Военные наблюдатели ООН, были российские миротворческие силы и определенное количество журналистов и какой-то генерал был грузин. Им был нужен безопасный коридор, где линия фронта размывается... И я как начальник штаба был необходим им, чтобы нанести эту линию... Я подошел... [там] сидел генерал... пожилой и такой какой-то легкий в разговоре, как будто он пришел в ресторан. Я склонился над картой и начинаю отмечать точки. И он говорит: «Ну-ка, сынок, а вот здесь...» И меня как будто ударило... моя первая реакция — просто рывкнуть на него... Потом [он] еще что-то сказал. Тоже вот такое уменьшительное... Я нагнулся ближе к уху и начал ему говорить, что я думаю по поводу его фразы «сынок». Что я офицер абхазской армии, и он не имеет права со мной так общаться. И он начал так: «Что я сказал тебе такого!?» И в голос. Я ему шепотом, чтобы ему не стыдно было... я думал, он все-таки старше... он не понял. «Что я сказал?» Так начал руками... артистично. Ну, тут уж я тоже... вслух: «Еще раз вы меня назовете...» — я не помню... может, угрожать начал. Тут какая-то суета. Все начали кричать что-то... «Ко мне, ко мне» — кто вел эти переговоры... он начал там кричать... и он сгреб этих всех грузин вот так в охапку, как будто я на них кидаюсь [ПМА. № 1844, л. 18—23].

Причина срыва переговоров очевидна и связана именно с тем обстоятельством, что вступившие в непосредственный контакт участники переговоров оказались совершенно неподготовленными даже для краткосрочной совместной работы. Представление о своем возрастном и статусном положении обусловило поведение грузинского генерала, избравшего неправильный тон по отношению к своему абхазскому коллеге. Представитель абхазской стороны, в свою очередь, в ситуации нарушения этикетных норм не продемонстрировал необходимых для переговорщика терпения и выдержки.

В ходе войны выделяется особая категория лиц, способная результативно решать все вынесенные на повестку дня новые задачи.

Это командиры... которые на войне вели себя героически и поэтому могли разговаривать с такими же людьми с грузинской стороны. Уже не от имени себя, а от имени кого-то. Ну, от имени ребят, которые воевали... Они [переговоры] в основном носили очень локальный характер, по проблеме решения конкретного вопроса — обмена пленными

или прекращения на некоторое время боевых действий. С тем чтобы забрать трупы... В такого рода переговорах принимали участие не столько люди, умудренные жизненным опытом... но люди, которые нередко были молодыми, но уже видевшими жизнь. Потому что во время войны люди быстро стареют... люди, которые во время войны проявили себя и могли разговаривать от имени своего подразделения [ПМА. № 1960, л. 81—83].

Как отметил другой наш информант, «командир на командира выходил» [ПМА. № 1894, л. 20]. Таким образом, речь идет в первую очередь о представителях армейских структур, то есть главным образом о мужской молодежи, значительно усилившей в условиях войны степень своей востребованности и, как следствие этого, авторитетности. При этом речь идет об участии представителей молодежи не только в процессе парламентарства как неотъемлемой части общего комплекса реалий фронтовой жизни, но и, что особенно показательно, в разрешении конфликтов внутри общины. Одна из причин выдвижения молодежи на передний план в этой сфере деятельности была непосредственно связана со сложной ситуацией, в которой оказалось мирное население на ВФ. Для нашего информанта сложившаяся на ВФ обстановка стала отправной точкой в его деятельности примирителя, в настоящее время широко известного на всей территории Абхазии.

Это все во время войны, все было так открыто, объективно, что люди не могли сомневаться в нас. Ну и... ответственность такая была большая, все были агрессивные, все были вооруженные. Не было закона, спроса... не было милиции и прочих дел. Поэтому в таких ситуациях — кого-то помирить, кого-то остановить — надо было иметь не только авторитет, но еще и умение владеть ситуацией. Проявлять гибкость ума. Бывали и проигрыши, и обиды... и проблемы. Много, конечно, и получалось [ПМА. № 1847, л. 34].

Одной из проблем, с которой в это время пришлось столкнуться населению, в первую очередь социально незащищенной его части — одиноким пожилым людям, стало скотокрадство.

Там у старухи корову украли, сын на позиции или погибший. Кто в данной ситуации может ей помочь? И чем? У кого есть такая сила, чтобы найти этого скотокрада и избить? Чтобы он больше не делал такого. Восточный фронт — нервная ситуация... Нужно было все время быть человеком. Ну, создавали имитацию закона. По необходимости, чтобы люди от страха и ужаса, от голода не озверели... Я, конечно, очень старался там никого не обидеть. Против себя не настроить. Были такие довольно неприятные моменты... [ПМА. № 1847, л. 40—44].

Скотокрадство как явление приобретало особый размах в наиболее трудные периоды истории Абхазии. В частности, во время граждан-

ской войны, когда территория Абхазии была оккупирована войсками меньшевистского правительства Грузии, эта проблема встала и перед Нестором Лакобой, прибывшим в Очамчирский район для проведения пропагандистской работы.

Как в начале, так и в конце XX в. за решение этой проблемы могли взяться люди, способные продемонстрировать не только силу своего характера, но и умение общаться с населением, в том числе и со скоткрадами.

Чтобы особенности переговорного процесса в период грузино-абхазской войны 1992—1993 гг. приобрели более конкретный характер, мы сосредоточим внимание на одном из ярких представителей этой категории командиров. В качестве наиболее известного переговорщика в период войны на ВФ наши информанты единодушно назвали Родиона (Родик, Рудик) Васильевича Тванба, погибшего в марте 1993 г. Уроженец Бзыбской Абхазии Р. Тванба попал на ВФ в начале боевых действий, прекрасно себя зарекомендовал и был назначен на один из сложных участков, в район селения Моква (Чайсовхоз). Именно здесь абхазское командование решило установить «коридор» для переговоров с грузинской стороной.

Само собой, мы говорили с командиром этого направления Рудиком Тванба. Он должен был автоматически [быть] тем человеком, который ведет переговоры. Никто не может приехать... отдельно на его участке разговаривать. Там нужен человек ежедневно, ежесекундно, потому что проблемы могут возникнуть сразу, и их сразу нужно регулировать. И он... согласился, без проблем... Это уже говорит о том, что человек умеет говорить, готов говорить и у него есть, что сказать... Это очень важно. Ну вот, и в результате мы получили место по обмену пленных, тел погибших. И получили переговорщика... Он не получал специальных инструкций, как надо говорить, как надо себя вести, с какой стороны стоять... настолько это у него естественно получалось [ПМА. № 1844, л. 1—3].

Отметим еще раз, что ведение переговоров не только входило в полномочия Р. Тванба как командира того направления, где командование ВФ планировало проведение переговоров, но и фактически являлось неотъемлемым атрибутом его статуса. Никто иной, как было сказано, просто не мог заниматься этой деятельностью в зоне его ответственности. Показательным в этой связи является также то, что как переговорщик он не получал специальных инструкций от командования ВФ. То, что результативность переговоров напрямую зависела от степени властных полномочий переговорщика, подтвердил и З. Чкония. Вспоминая переговоры с грузинской стороной в сентябре 1993 г., он отметил следующее:

Р. Тванба во время локальных абхазо-грузинских переговоров ⁴

⁴ Мы благодарим Тванба Марию Султановну, директора Эшерского музея боевой славы, за предоставленные фотографии.

И вот, когда они выходили на разговор, с их стороны... меня называли и Леника Начкебия(?) и еще одного... Только с ними будем разговаривать... Я был командиром батальона. Знали, что мой батальон, что я управляю им, мое слово много чего значит... [ПМА. № 1894, л. 16—17].

В не меньшей степени решение того или иного вопроса, выносимого на переговоры, зависело от степени информированности парламента.

У меня реакция [интуиция?] была. На... вопрос вот этого, [брат]... брал командиров отделений, рот или разведгруппы, которые владели большой информацией. Потому что когда мы разговариваем, о многих вещах [может зайти разговор]. У меня свои люди были, которые на каждый вопрос [могли ответить] [ПМА. № 1894, л. 25].

Как и у любого другого командира партизанского края, полномочия руководить людьми и выступать от их имени на переговорах («Вы знаете, там тоже надо было иметь авторитет, чтоб заниматься такими делами» [ПМА. № 1847, л. 33]) у Р. Тванба должны были быть подкреплены наличием необходимых для выполнения этих задач волевых качеств. Приведенное ниже описание одного из эпизодов фронтовой жизни, главным участником которого стал Р. Тванба, позволяет получить представление о том, как складывался и поддерживался его авторитет среди соратников. Рассматриваемое событие произошло во время мероприятий по передаче грузинской стороне ее погибших солдат, тела которых еще находились на абхазской позиции. Ночью грузинская сторона усилила обстрел переднего края абхазов, на котором находились трое военнослужащих, охранявших от шакалов тела погибших.

Там один солдат позвонил командиру, мол, невозможно сидеть сегодня ночью на позициях, вот что они делают. И что-то этот солдат стал пререкаться с командиром: «Вам тепло, вы там в штабе сидите, чаевничаете, а мы тут, мол...» Этот командир был такой отчаянный парень, покойный ныне. Он до того оскорбился от такого выражения, пришел туда прямо на позицию к своему солдату, поговорил с ними, пошел туда к грузинам. Ночью, в час ночи. До двух километров надо было пройти одному. Пришел туда. Они: «Эй, уй, стой, кто идет?» — «Я». Они друг друга знают на позициях, там очень близко. Ну, они не поверили своим глазам. Как, один, без никого, появился. Тут же его могут прихлопнуть как муху. Они позвали своих командиров. «У-у! Как ты посмел, ты чего парень? Что ты?» «Что я?» — говорит. «Я вашу маму...» Ну, тут они видят, что к нему невозможно ни подойти, ни пленить его. Его можно только убить. «Вот за этих людей, за которых вы убиваетесь, за этого человека, которого вы от нас добиваетесь, чтобы мы нашли, чтобы шакалы не испоганили ихние тела, мои солдаты в такую погоду — зима, снег, мороз — охраняют, а вы их бомбите, мешаете им охранять их!»... Вернулся на свои позиции. Этому солдату говорит:

«Сынок успокойся, не трусь, они уже не будут сегодня тебя беспокоить» [ПМА. № 1961, л. 88—89].

Этот поступок Р. Тванба, относящийся, безусловно, к разряду экстраординарных, не позволяет сомневаться в том, что при необходимости он был способен на взрывные, импульсивные действия, но как переговорщика его отличали совершенно иные свойства. Одним из наиболее известных достижений его как переговорщика стало освобождение экипажа и пассажиров абхазского вертолета, сбитого сванскими ополченцами в окрестностях селения Сакен. Переговоры проходили трудно. Сваны были заинтересованы в обмене абхазских пленных на своих людей во главе с известным командиром Пирвели, не зная еще, что они погибли в бою. Когда же это стало им известно, возникла серьезная проблема: представители грузинской стороны не хотели обменивать живых людей на тела своих мертвых соотечественников. Сванский сценарий решения вопроса предполагал расстрел пленных с целью дальнейшего обмена телами, поэтому на протяжении всего времени переговоров угроза смерти для пленных оставалась абсолютно реальной. Переговоры продолжались десять дней, а их результат стал прецедентом: абхазы были освобождены в обмен на нескольких грузинских пленных и тела мертвых сванов. «Такого обмена не было в той войне. Все этому удивлялись. Кроме нас он спас многие семьи» [Тэан-пха 2008: 33].

Мы не располагаем необходимым объемом информации, чтобы проследить весь ход этих переговоров и, соответственно, получить представление о полном арсенале использованных Р. Тванба тактических приемов. Однако те факты, которые нам известны, позволяют увидеть в действиях Тванба по освобождению пленных работу традиционного дипломата. Согласно информации, полученной нами от журналиста Вячеслава Сакания, находившегося тогда в числе пленных, Тванба с первой встречи начал умышленно затягивать переговоры. Он не только не сообщил сразу грузинской стороне о смерти сванских ополченцев, но, напротив, дал понять, что они живы. Это дало возможность в первый, самый опасный для абхазских пленных период сохранить им жизнь. Кроме того, выигрыш во времени позволил ему подготовиться к обмену: со всего фронта были доставлены тела павших грузин, находившиеся на абхазской территории, а также несколько пленных. В дальнейшем в ходе многочисленных встреч Тванба смог переломить ситуацию и расположить к себе переговорщиков [ПМА. № 2011]. Следует отметить, что одной из характерных особенностей работы народных дипломатов как раз и являлось эмоционально выдержанное настойчивое пошаговое продвижение к поставленной цели. «Этот человек обладал таким языком — после того как с ним

переговоришь, ты становился его. Он присваивал тебя» [Тэан-пха 2008: 33].

Безусловно, аргументированная и спокойная манера общения человека, ведущего переговоры с оппонентом, соответствовавшая канонам народной дипломатии, вызывала к нему если не симпатию, то уважение противника и в конечном счете позволяла решать стоящие перед ним достаточно сложные задачи. Но это уважение к нему как переговорщику было в первую очередь обусловлено его военными заслугами. «Враги его очень боялись, но вместе с тем уважали» [Тэан-пха 2008: 33]. В этой связи показательным является произнесенное над телом Р. Тванба прощальное слово представителя Очамчирского района, в котором, в частности, говорилось, что на фронте грузины связывались с ним по рации и просили не нападать на них во время их праздников.

На переговоры, которые вел Тванба, с грузинской стороны постепенно стали приходиться люди, не имеющие к ним непосредственного отношения.

Посторонние там, журналисты, какие-то общественные деятели, которым было просто интересно увидеть этого человека... Они даже просили с ним сфотографироваться. Иногда даже лично ему... могли принести блок сигарет, для нас это... Там партизанский край. Какой блок сигарет... с махоркой ходили. Вот к нему лично были симпатии. Потому что он был абсолютно аргументированный, сам по себе честный, порядочный... по человеку же видно, по разговору, как он себя ведет. Не сквернословил никогда... тоже явно было видно. Был даже такой момент, когда его аргументы... с командованием кутаисского батальона привели к тому, что кутаисский батальон снялся и ушел [ПМА. № 1844, л. 4—6].

Одним из отличительных качеств Р. Тванба как переговорщика, роднившим его с широким слоем народных дипломатов, ораторов и сказителей, было присущее ему чувство юмора:

Рудик был ироничный парень. Вообще гудаутский юмор... Они очень такие ироничные. Там вообще могут легко сказать, что не обидишься. Очамчирский юмор, конечно отличается. Если так по звуку, то гудаутский юмор он звонкий... Эти [очамчирские] могут сказать — через три дня поймете... [ПМА. № 1844, л. 24—25].

Или другая характеристика:

Тванба Рудик был... его акуджма — волк называли. У него была заложена в генах, как говорится, природная дипломатия. Он их [грузин] там с ума сводил. Притом всегда в нужное время находил... четко, с юмором... решал задачу [ПМА. № 1845, л. 94—95].

Волк обладал большим юмором... Смеясь, мы забывали об усталости... [Тэан-пха 2008: 34].

Существует еще одно немаловажное обстоятельство, естественным образом, с позиции местного населения, объясняющее высокие ораторские способности Р. Тванба. Речь идет о наследовании ораторского дара, так как дед Р. Тванба был братом знаменитого народного дипломата, к которому в наиболее сложных конфликтных случаях, как к последнему средству, обращался за помощью сам Н. Лакоба. «Был такой Тванба Осман... сильнейший оратор, медиатор был... Лакоба без него не выступал на сходах» [ПМА. № 1847, л. 7].

Интерес к личности Р. Тванба со стороны грузин проявился, в частности, в том, что Георгий Хайндрава, снявший в 1997 г. фильм «Кладбище грез», посвященный событиям войны 1992—1993 гг., ввел в него эпизодического персонажа, являвшегося, с точки зрения нашего информанта, прототипом этого абхазского командира. При этом «они прямо целиком сделали точный портретный грим, одели его... по-моему, даже разговаривал... он с теми же интонациями, как и Рудик» [ПМА. № 1844, л. 14]. Событие, главным участником которого является герой фильма, связано с переговорами грузинского и абхазского отрядов, неожиданно столкнувшихся во время рекогносцировки местности. Согласно логике сложившейся ситуации, встреча могла закончиться перестрелкой, однако, вопреки ожиданию, она стала разворачиваться как мирный диалог представителей враждебных сторон. Для нас эта версия интересна не только тем, что мы знакомимся со взглядом грузинской стороны на процесс переговоров, но также тем, что видеоряд фильма прописан в деталях. Кроме того, важно, что эта версия представлена человеком, хорошо информированным в данном вопросе. Георгий Хайндрава в 1992—1993 гг. занимал пост государственного министра по вопросам Абхазии. Подтверждением его компетентности в этой области может служить и то обстоятельство, что в 2004—2006 гг. он являлся министром по урегулированию региональных конфликтов.

Отметим предварительно некоторые особенности переговорного процесса, известные в литературе, а также полученные от наших информантов. В традиционной военной культуре абхазов неприкосновенность парламентаров не ставилась под сомнение, что нашло отражение в одной из абхазских поговорок: «Парламентар не может быть ни задержан, ни убит» (*ацхарражэ- хэа джым, дшьым*) [Инал-Ипа 1960: 212]. В ходе грузино-абхазской войны быстро сформировалась практика, когда парламентары, отправляясь на встречу, в качестве атрибута своего статуса в обязательном порядке использовали белый флаг. «Ходили когда на белый флаг, уже ружья не стреляли» [ПМА. № 1961, л. 29]. У нас нет информации о случаях, когда личная непри-

косновенность парламентаря с той или другой стороны была бы нарушена.

Необходимость проведения регулярных переговоров с противником не могла не привести к тому, что с течением времени эти контакты приобрели стереотипный, устоявшийся характер. При этом речь не идет о том, что переговоры являлись безопасным видом деятельности. Психологический фон во время переговоров отличался повышенной напряженностью и полностью соответствовал представлению о поединке.

[В любой] момент готовы были пулю запустить, шли, знали... Мы им не верили никогда... У меня даже кольцо (предохранительная чека гранаты. — Ю. Б.) уже раздвинуто было. Потому что они ненадежны для нас... [ПМА. № 1894, л. 15].

Учитывая необходимость постоянного контакта между грузинской и абхазской сторонами, вряд ли можно говорить о том, что угроза оказания силового давления на оппонента, а тем более само применение силы могли являться широко практикуемым приемом в поединке переговорщиков. В этой связи убедителен комментарий нашего информанта по поводу гипотетического предположения о возможном нападении на парламентаря:

Да, конечно, [убить парламентаря можно]. Но это ни той, ни другой стороне не нужно. Потом-то что делать? Завтра опять воевать, завтра опять потери [и необходимость выхода на контакт] [ПМА. № 1844, л. 12].

Тем не менее мы можем привести пример подобного рода, имевший место в парламентарской практике А. Аршба, когда во время переговоров с грузинскими представителями разговор стал принимать откровенно острые формы. Грузинский офицер предложил произвести обмен телами по одной из уже известных схем «всех на всех», однако абхазская сторона в тот раз не приняла эти условия. «А мне до этого позвонили — восемь человек убитых... Они специально пришли вечером, чтобы я не узнал, кого привезли». После отказа принять предложенные условия грузинская сторона попыталась отстаивать свой сценарий обмена, прибегнув к угрозе:

Он мне говорит: «Слушай ты, абхазец, сейчас БМП тебя разнесет». Я ему говорю: «Слушай, вот ты видишь — перед тобой кукурузник... там сидит [мой человек]... Он давно твою голову на прицеле держит» [ПМА. № 1894, л. 23].

Подобный сценарий событий, вероятнее всего, мог иметь место в случае спонтанных или плохо подготовленных переговоров.

В версии переговоров, представленной Г. Хайндрава, есть ряд характеристик, на которые, с нашей точки зрения, следует обратить внимание. Мирный диалог между противниками устанавливается после того, как один из грузинских ополченцев просит у абхазских партизан закурить и, разряжая таким образом напряженную обстановку, отводит реальную угрозу вооруженного столкновения. Как известно, у многих народов ритуал угощения или обмена табаком (трубками, табакерками) определяет неформальный или, во всяком случае, мирный формат встречи. В современном обществе этикет угощения табаком, совместное курение, хотя и не столь ритуально выраженное, как в традиционной культуре (например, угощение нюхательным табаком у монголов или угощение гостя трубкой у турок), продолжает, тем не менее, нести такую же символическую нагрузку. Неслучайно поэтому, что, в частности, в кинематографе прием совместного «перекура» врагов использовался неоднократно. В этом же контексте, вероятно, можно рассматривать и блоки сигарет, которые во время переговоров дарили Р. Тбанбе его грузинские оппоненты и которые можно отнести к «предметам-посредникам», используемым во время переговорного процесса.

Экспозиция переговоров, представленная Г. Хайндрава, сводится к тому, что все участники встречи разделяются на две группы: тех, кто непосредственно входит в контактную группу, и тех, кто выступает в роли наблюдателей. Подобное распределение функций соответствует ранее нами отмеченной характеристике процесса переговоров. Представители первой группы, как с той, так и с другой стороны, присаживаются на корточки, образуя замкнутый круг, вторые стоят непосредственно за их спинами. Здесь мы приведем следующий, важный для данного контекста, комментарий:

Согласно нормам грузинской городской уличной культуры, поза «сидя на корточках» подразумевает исключение возможности применения физического насилия. Принимая эту позу, участники взаимодействия сигнализируют друг другу о начале переговоров, в ходе которых возможно использование только вербальных средств общения. Информанты возводят позу «на корточках» к нормам тюремной субкультуры, где члены вступающей в переговоры группы, встречавшиеся в одной камере, из-за возникшей тесноты были вынуждены, экономя пространство, в такой позе садиться на нары [Устное сообщение Е. Ю. Захаровой].

Наш абхазский информант подобную манеру сидеть во время переговоров с грузинами прокомментировал как совершенно неприемлемую ни для абхазов в целом, ни для Р. Тванба в частности. С нашей точки зрения, такая категоричность оценки ситуации может объясняться стремлением дистанцироваться от противника, которому была свойственна подобная манера общения.

Сцена переговоров в кинофильме «Кладбище грез»

Отметим также, что в сюжете о переговорах автор фильма обращается к некоторым традиционным представлениям, характерным в целом для народов Кавказа и устойчиво сохраняющимся в современной культуре абхазов. Во-первых, в ходе разговора выясняется, что среди противников находятся два однофамильца, а это, согласно нормам абхазских семейно-брачных отношений, означает их бесспорное родство. «И тут, конечно, по нашим обычаям, когда встречаются незнакомые два однофамильца... они братья получают по крови» [ПМА, № 1847, л. 78]. Как известно, одним из первых шагов посредника, направленных на примирение людей, вступивших друг с другом в конфликт, является установление их возможного родства, что в случае подтверждения этого факта становится серьезным аргументом в деле нормализации ситуации.

Этот факт родственных отношений, связывающих противников, в фильме дополнительно усиливается: абхазский партизан при расставании дарит своему однофамильцу папаху. Известно, что головной убор на Кавказе является одним из наиболее позиционированных символов статуса мужчины, и передача его другому лицу, тем более в контексте вышесказанного, может рассматриваться как акт побратимства, пусть и не ритуально выраженного. Согласно комментарию нашего информанта, подобная модель взаимоотношений не отвечала реальному статусу, так как в ситуации вооруженного противостояния принцип кровного родства, как бы много он ни значил для абхазов, не являлся доминирующим и уступал свое место гражданской позиции.

И последняя деталь из фильма, на которую мы хотим обратить внимание, связана с окончанием переговоров, когда ополченцы и партизаны расходятся в разные стороны, одновременно поворачиваясь друг к другу спиной. При этом никто из участвующих в переговорах не предпринимает ни малейшей попытки проконтролировать действия противника, полностью открывая свой тыл. Представляется, что сохранение традиционных этических норм по отношению к противнику в ходе современной войны вопрос сложный. Тем не менее «все равно на войне есть какие-то правила», как сказал в своем интервью Б. Джапуа [Амшенци. www.abkhaziya.org]. К таким правилам, видимо, можно отнести и вышеотмеченный сюжет. А. Аршба, рассказывая о переговорах во время перемирия, отметил, в частности, что перед приездом на фронт в район селения Члоу смешанной делегации он вышел к грузинским позициям, чтобы посмотреть, как противник выполняет условие по снятию постов и разоружению. Для нас здесь важным является его последнее замечание:

Прежде чем они приехали, я пошел напрямую, без оружия, в гражданской одежде, дошел до грузинской позиции, а там дзот, пулемет... ну пришел, там же повернулся по дороге, назад прямо иду. *Нельзя же в спину стрелять* [ПМА. № 1894, л. 21].

Изучение переговорного процесса в годы грузино-абхазской войны будет, с нашей точки зрения, более продуктивным, если мы обратимся к такому явлению, как «приватизация войны», рассмотренному в неоднократно упоминавшейся нами работе В. В. Лапина «Армия России в Кавказской войне XVIII—XIX вв.». Этим понятием автор книги определяет, в частности, процесс формирования у солдат и офицеров кавказского корпуса собственных интересов в войне, обусловленных воздействием внешних обстоятельств и не имеющих отношения к тем целям и задачам, которые были поставлены перед русской армией.

Каждый солдат на Кавказе вел «свою» войну. Поэтому его не сдерживали уставы, муштра и присмотр офицеров. Месть за павших товарищей становится основной мотивацией, появляются понятия старых счетов с отдельными племенами и родами, действительные военные заслуги служат мерилем положения той или иной части в военном сообществе. Элементы кавказской народной военной культуры приживались в регулярных русских войсках [Лапин 2008: 295].

Не проводя прямых параллелей с реалиями Кавказской войны, можно отметить, что в ряде случаев аналогичные отношения между отдельными частями и сельскими сообществами складывались и в годы грузино-абхазской войны на ВФ. Особые отношения могли связывать как отдельные формирования противников, так и стоящие за ними сельские сообщества.

В чем вражда возникла между ними и нами? Почему ахалдабцы с нами так жестоко обошлись?.. Они совершили набег и ограбили поселок Адлейархабла, где адлейбавцы жили. Поселок так и называется. Это рядом с Ахалдабой. Пограничный. Эта сторона адлейбавцы, с той — грузины. Они увидели, что не защищен поселок, зашли с подводами, ограбили и ушли. Два дня прошло, еще раз другая группа совершила второй [набег]... И вот во втором набеге мародерства уложили двоих. Остальные драпанули. Вот там погиб один из братьев крутого ахалдабца. Тот на похоронах своего брата-мародера обещал, что будет футболить головы адлейбавцев, где убили его брата... Выжгли все дома, отрезали головы, взяли с собой, а трупы сожгли. Дома сожгли с трупами. Вот такие вещи происходили. Но это в основном из-за мародерства, а не из-за боевых случаев. Негодяй он был. Отомстил [ПИМА. № 1961, л. 53—54].

Говоря о «приватизации войны», подчеркнем еще раз, что главная задача, стоявшая перед абхазской армией, как и в целом перед народом Абхазии в войне, сосуществовала параллельно с многочисленными локальными задачами ее участников. Решению этих частных задач в немалой степени был подчинен отличавшийся, в силу сохранения в

абхазской армии «народной военной культуры», сложным характером переговорный процесс, участники которого обладали значительной самостоятельностью.

На линии фронта иногда происходили такие обмены туда-сюда. То сестру, кто-то ребенка, народ ведь вместе жил, там очень многие родственники. Такие проблемы, но мы как-то старались это тайно... привыкши к своим позициям, своим территориям... чтобы в штабах возмущения [не возникло]... непонятка, что там происходит?... [так как] противник мог воспользоваться этим и вклиниться куда-нибудь. Фронт был в окружении, и ситуация была крайняя... если бы мы уступили одну позицию, мы потеряли бы все. Противник бы вошел в нас [ПМА. № 1847, л. 33—34].

Трудности сложившейся ситуации, когда близкие люди оказывались по разные стороны фронта, иллюстрирует следующее воспоминание нашего атарского информанта о разговоре, состоявшемся у него с его бывшим односельчанином-сваном во время очередных переговоров.

Один подошел: «Маврик, — он меня знал, отсюда был грузин, — что там наши люди [то есть родственники свана] ходят?» Я говорю: «Кто ваши?» ... Там его брат и двоюродный брат. С нами [вместе] воевали. Я говорю: «Они ничего не говорят, чтоб выйти. Ничего не просят. Нормально себя чувствуют. На свадьбах, на похоронах встречаемся, нормально здороваемся. Они не хотят перейти (к вам)». «Мы знаем, что не хотят, но мы хотим, чтобы они перешли» [ПМА. № 1961, л. 33].

В этой связи приведем также фрагмент из воспоминаний А. Кубрава, в котором автор, ссылаясь на слова местного гвардейца, своего родственника, рисует следующую нестандартную картину фронтовых будней:

Вот короткие наброски наиболее примечательных... моментов из его рассказов... Иногда во время затишья бойцы с обеих сторон переходят линию фронта, находят родственников, друзей, соседей, принимают приглашения на хлеб-соль, обмениваются сигаретами, водкой... а не только стреляют друг в друга да кроют матом [Кубрава 2010: 317].

В условиях вооруженного противостояния возникающие вопросы на линии фронта, как уже отмечалось, решались наиболее авторитетными представителями вооруженных сторон. Тем не менее было бы неверным считать, что ведение переговоров в годы войны осуществлялось исключительно представителями группы полевых командиров, несмотря на их широкие полномочия в данном вопросе. Учитывая всю важность для населения предмета переговоров (еще раз напомним, что в первую очередь он касался обмена пленными и телами павших), к

парламентерской деятельности привлекали представителей самых разных категорий населения.

Блатные люди, которые никогда не были связаны с властью, не были заняты в управлении государством. И у которых язык подвешен... Необязательно они друг друга до этого знали, до этого слышали друг о друге... Они являются людьми, которые достойны уважения в каком-то кругу. Были люди такого типа, которые вели переговоры с этой и с той стороны... Блатные это не всегда криминал... Факт тот, что такого рода люди могли договориться: «Ты понимаешь, мы воюем друг с другом, но трупы ни при чем. Или родственник, который у тебя, или твой родственник, который у меня, не виноват. Давай поменяем». И в этом случае легче было договориться в этом, чем Ардзинба и Шеварднадзе. Было же такое понятие, как люди, «подвязанные под цеховиков»... то есть люди, которые жили хорошо. А тот, кто живет хорошо, при любой власти имеет влияние. И когда формируется армия подобного рода Грузии... естественно, командирами назначают этих влиятельных людей. И с нашей стороны были такие же люди, которые понимали, что им легче договориться с ними на неофициальном уровне [ПМА. № 1960, л. 88—89].

В ситуации военного противостояния, когда контакт между противниками осуществлялся посредством парламентаров, такая ключевая в практике народной дипломатии фигура, как посредник (нейтральное для сторон конфликта лицо), казалось бы, утратила свое былое значение. Однако это не совсем так. Проходя этап предварительного согласования, парламентар, оставаясь представителем вражеской стороны, был, тем не менее, для противника наиболее приемлемой фигурой и тем самым отчасти принимал на себя функции посредника. В практике народной дипломатии аналогичная ситуация, то есть когда роль посредника берет на себя сторона конфликта, имеет место. Например, в случае убийства человека на предварительную встречу с потерпевшей стороной могут поехать не посредники, а представители фамилии убийцы. При этом члены делегации избираются таким образом, чтобы общение с ними было наименее травмирующим для пострадавшей стороны. Это, скорее всего, будут люди не только не проживающие в одном населенном пункте с убийцей, но и состоящие с семьей убитого в неформальных, доверительных отношениях, например сослуживцы или однокурсники.

В своем интервью Б. Джапуа со ссылкой на В. Какалия рассказывает об одном из эпизодов начального периода войны, когда он (В. Какалия) ушел на переговоры на грузинскую сторону:

Через часа два он [В. Какалия] вернулся... Там были его знакомые, которые ему рассказали, что за два года войны в Осетии они потеряли 700 человек, а в Абхазии они потеряли 700 человек за неделю. Это ска-

зали ему его же друзья или знакомые с грузинской стороны, свежеспеченные противники [Амшенци. www.abkhaziya.org].

Здесь, как мы видим, условием возможности переговоров и гарантией безопасности парламентаря являлись дружеские отношения представителей двух противоборствующих сторон. Вполне вероятно, что эти отношения сохранялись лишь благодаря инерции мирного времени, а в дальнейшем реалии войны окончательно развели бы этих и многих других бывших друзей из двух вражеских лагерей, но, тем не менее, принцип личных отношений продолжал играть свою роль при выборе парламентаря. Так, наш информант отмечал, что ему неоднократно приходилось контактировать со своими бывшими односельчанами. Именно их присылало на переговоры грузинское командование.

С сельчанами... с ихней стороны. Иногда присылали, чтобы мы бросили ружья, не сопротивлялись: «По-любому все взято. Сухуми взят, кроме Гудауты и Ткварчели все взято... Такие разговоры происходили, но мы к этому разговору вообще не [прислушивались]...» [ПМА. № 1894, л. 9—10].

Для ведения посреднической деятельности в каждом конкретном случае выбирался тот человек, который в силу родственных, дружеских, соседских или иных связей мог наиболее результативно справиться с возложенной на него задачей.

Посредничество в ходе грузинско-абхазской войны порой принимало откровенно уродливые формы, далекие от принципов народной дипломатии. Так, обмен пленными и телами погибших для части посредников стал источником дохода. С этим явлением народы Кавказа столкнулись еще в ходе Кавказской войны.

Для обеих сторон пленные были средством обмена, а также прибыльным бизнесом. Их меняли на скот, на своих пленных, на тела павших в бою товарищей, на соль и различные товары. Сам обмен производился на меновых дворах, при карантинах. Имелись и специальные агенты, занимавшиеся выкупом и обменом пленными [Лапин 2008: 268].

Отмечая здесь эту практику в качестве одной из жизненных реалий, мы, тем не менее, не рассматриваем ее как масштабное явление.

В итоге еще раз отметим некоторые положения.

1. Батальон, основное структурное подразделение (звено) абхазской армии, являлся в своей основе отрядом самообороны села, формировавшимся главным образом за счет его жителей. На роль командиров в первую очередь выдвигались наиболее достойные претенденты из своей среды. Семейная и соседская солидарность, остававшаяся, как встарь, мощным фактором сплоченности воинского коллектива,

ва, позволяла командирам батальонов обладать значительным запасом автономии в принятии решений.

2. В годы войны институт традиционной народной дипломатии претерпевает изменения. Для непродолжительного начального периода войны мы можем говорить о его сохранении без каких-либо значительных трансформаций. Сельское сообщество отдельных абхазских селений вступало в переговоры с представителями грузинских общин — ситуация переходного характера, когда еще не произошло окончательного размежевания грузинской и абхазской частей населения. Эти переговоры могут рассматриваться именно в качестве традиционной работы «ораторов» — *ацаажэаф*, избираемых обществом из представителей старшей возрастной страты для разрешения внутри- и межобщинных конфликтов. Грузинская сторона в процессе переговоров рассматривалась абхазской стороной еще как самостоятельный участник диалога. В дальнейшем, когда позиции сторон окончательно определились, местное грузинское население как самостоятельный участник переговоров сходит со сцены. С точки зрения некоторых наших информантов, определение «народная дипломатия» используется по отношению к переговорам с грузинской стороной неправильно, так как основным предназначением института народной дипломатии всегда являлось преодоление конфликта между «своими», сглаживание его, что нередко достигалось принятием компромиссных, гибких решений.

3. Реалии войны вынесли на повестку дня новые, отличные от мирной жизни проблемы, разрешение которых по объективным причинам уже не могло находиться исключительно в компетенции совета старейшин. Выделяется категория лиц, способная результативно решать эти задачи. Речь идет о представителях армейских структур, то есть главным образом о мужской молодежи, значительно усилившей в условиях войны степень своей авторитетности и, как отмечалось выше, обладавшей значительной самостоятельностью в принятии решений. Ведение переговоров с противником было не только следствием служебной целесообразности, но и неотъемлемым атрибутом их статуса. Результативность переговоров напрямую зависела от степени властных полномочий переговорщика. Ярким примером такого переговорщика был командир одного из подразделений ВФ Р. Тванба, в чьи полномочия входило ведение переговоров. Никто иной не мог заниматься этой деятельностью в зоне его ответственности. Показательным в этой связи является также то, что как переговорщик он не получал специальных инструкций от командования ВФ. Фигура Р. Тванба представляет особый интерес, так как этот человек воплощал в себе лучшие черты народного дипломата и в этом качестве и рассматривался его окружением. С позиций местного населения ораторский дар

Р. Тванба объясняется принадлежностью его к знаменитой своими народными дипломатами патронимии.

Одним из присущих ему как опытному переговорщику свойств являлось умение даже при контакте с противником находить общее «пространство», необходимое для решения насущных вопросов. Эта особенность — умение отделить проблему решения конкретного вопроса от человеческого фактора — может рассматриваться в качестве одной из основополагающих характеристик понятия «народная дипломатия».

Выработанные в рамках народной дипломатии приемы и навыки продолжали сохранять свою актуальность, так как даже сама смена главных участников процесса переговоров не противоречит принципам народной дипломатии, поскольку традиционно характер проблемы, выносимой на переговоры, во многом обуславливал состав группы переговорщиков.

4. Главная причина проведения переговоров на линии фронта была связана с обменом телами павших и пленными. Традиционные представления о долге перед покойным, включающие в себя в первую очередь достойное погребение его тела, проведение в полном объеме цикла похоронно-поминальных обрядов, подчеркнута корректное отношение к телу покойного не просто сохраняются до настоящего времени, а рассматриваются носителями этой культуры как одна из важнейших составляющих абхазской идентичности. Необходимость получения тела убитого родственника обусловила потребность в существовании постоянного дипломатического контакта, высокую степень интенсивности переговорного процесса на фронте и, как следствие, востребованность наработанной в рамках народной дипломатии стратегии и тактики переговорного процесса. С точки зрения наших информантов, с грузинской стороны столь же интенсивные усилия, направленные на получение тела погибшего родственника, проявляли только местные жители, то есть мегрелы и сваны. Безусловно, это связано прежде всего с проживанием мирного грузинского населения в непосредственной близости от зоны ведения боевых действий.

5. В условиях вооруженного противостояния переговорный процесс осуществлялся наиболее авторитетными представителями обеих сторон. Тем не менее было бы неверным считать, что ведение переговоров в годы войны осуществлялось исключительно представителями группы полевых командиров, несмотря на их широкие полномочия в данном вопросе. Учитывая всю важность для населения главного предмета локальных переговоров, к парламентарской деятельности привлекали многочисленных посредников. В практике народной дипломатии фигура посредника является ключевой и в идеале в равной степени приемлемой для обеих сторон конфликта. В годы войны на ВФ посредниками становились люди, пользовавшиеся доверием обеих

враждующих сторон. В качестве типичной можно рассматривать ситуацию, когда посредником становился абхаз, имеющий жену-грузинку, а следовательно, имеющий родственников на грузинской стороне. Как уже отмечалось, гарантией безопасности участников переговоров и успешного решения того или иного вопроса были родственные отношения, отношения дружбы и соседства. В каждом отдельном случае выбор падал на человека, который в сложившихся обстоятельствах наиболее соответствовал роли посредника. В практике народной дипломатии правило адресного подхода является одним из основополагающих: в качестве примирителя, например, подбирался человек не просто уважаемый, а такой, просьба или аргументы которого не могли быть проигнорированы стороной, заинтересованной в эскалации конфликта [ПМА. № 1893, л. 59—60].

Как известно, абхазы осудили местное грузинское население за позицию, занятую им в вооруженном конфликте. Тем не менее в целом именно благодаря ему в значительной степени осуществлялась посредническая деятельность. Поддержание устойчивого дипломатического контакта между враждующими сторонами было обусловлено не только личными связями между абхазским и грузинским населением, но и недавней принадлежностью к единому пространству народной дипломатии.

Источники

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

ГАКК, ф. 799, оп. 1, д. 2: Отчет Военно-народного управления Кубанской области за 1863—1869 гг.

Литература

Аверкиев 2005: *Аверкиев И.* С северо-восточного побережья Черного моря // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX—нач. XX в.). Кн. I. Сухум, 2005.

Ботяков 2002: *Ботяков Ю. М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX—первая половина XX века). СПб., 2002.

Ботяков 2009: *Ботяков Ю. М.* Персонажи традиционного сельского общества: пастух, охотник // *Абхазоведение. Труды АБИГИ. Язык, фольклор, литература.* Вып. 3. Сухум, 2009.

Губжиков М. Н. Рукопись «Западные адыги в период Кавказской войны (этнокультурные аспекты)».

Гусейнова, Акопян, Румянцев 2008: *Гусейнова С., Акопян А., Румянцев С.* Кызыл-Шафаг и Керкендж: история обмена селами в ситуации Карабахского конфликта. Heinrich Boll Stiftung. South Caucasus. 2008.

Джапуа 2008: *Джапуа Б. Р.* Фронт восходящего солнца (Мрагыларатэи афронт). Краткие описания боевых действий на Восточном фронте в ходе Отечественной войны 1992—1993 годов. Сухум, 2008.

Званба 1852: *Званба Соломон.* Зимние походы убухов на Абхазию // Кавказ. 1852. № 33.

Инал-Ипа 1960: *Инал-Ипа Ш.* Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960.

Кавказские письма 2011: Кавказские письма А. П. Ермолова М. С. Воронцову. СПб., 2011.

Кубрава 2010: *Кубрава А.* Дорога к сраму. Абхазский дневник. XX век. Вып. II. Сухум, 2010.

Лалин 2008: *Лалин В. В.* Армия России в кавказской войне XVIII—XIX вв. СПб., 2008.

Микава 2007: *Микава Б. А.* Из воспоминаний // Участники освободительного движения в Абхазии 1917—1921. Воспоминания киаразовцев, красногвардейцев и красных партизан. Сухум, 2007.

Тэан-пха 2008: *Тэан-пха Марина.* Сашьцэа, сашьцэа... Аочерккэа. Акэа, 2008.

Торнау 2000: *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М., 2000.

Перевозкина. Ежедневный журнал: *Перевозкина М.* Нет мира под инжирами // Ежедневный журнал. 2005. 13 янв. № 150. <http://supernew.ei.ru/013/tema/04/index.htm/>

Потто 1994: *Потто В. А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 5.

Амшенци. www.abhaziya.org: *Амшенци Л.* Интервью с Джапуа Б. Р. Интернет-группа «Абхазия — страна души». www.abhaziya.org

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1825.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1832.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1844.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1846.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1847.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1848.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1893.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1894.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1895.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1959.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1960.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1961.

ПМА. Архив МАЭ РАН, ф. К. I, оп. 2, № 1962.

ПМА 2011: Полевые материалы автора, собранные в Абхазии в ходе экспедиционной поездки в 2011 г.